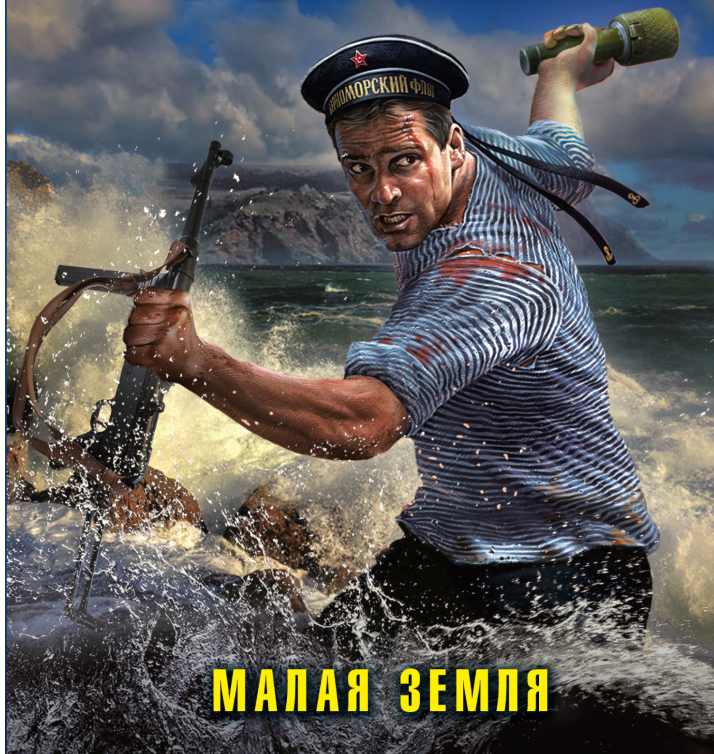

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Олег Таругин

МОРПЕХ

МАЛАЯ ЗЕМЛЯ

Олег Витальевич Таругин
Морпех. Малая земля
Серия «Военно-
историческая фантастика»
Серия «Морпех», книга 2

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=65971657
Морпех. Малая земля / Олег Таругин: Яуза, Эксмо; Москва; 2021
ISBN 978-5-04-111972-0

Аннотация

Старший лейтенант морской пехоты Российской Федерации Степан Алексеев продолжает боевые действия против фашистов. Благополучно добравшись до легендарной «Малой земли», старлей почти сразу с горсткой бойцов уходит в рейд по вражеским тылам.

Там, где появляются не ведающие страха диверсанты, горят вражеские штабы, взрываются стоянки техники и десятками гибнут оккупанты... Но тут Алексеев обнаруживает немецкий аэродром, с которого взлетают пикирующие бомбардировщики, заваливающие фугасками позиции защитников «Малой земли».

Степану предстоит принять сложное решение: уйти, чтобы передать командованию добытые сведения, или, жертвуя собой,

атаковать аэродром. И времени на раздумья остается все меньше, ведь на поиски неуловимых русских разведчиков брошены горные егеря из дивизии «Эдельвейс»!

Содержание

От автора	6
Пролог	7
Глава 1	12
Глава 2	28
Глава 3	45
Глава 4	65
Глава 5	83
Конец ознакомительного фрагмента.	89

Олег Таругин

Морпех. Малая земля

ВОЕННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

© Таругин О., 2021

© ООО «Издательство «Яуза», 2021

© ООО «Издательство «Эксмо», 2021

От автора

Описанные в книге события могут частично не совпадать с событиями реальной истории времен обороны плацдарма «Малая земля». Имена большинства бойцов и командиров РККА и РККФ изменены или вымышлены.

При написании романа автор опирался на различные исторические и литературные источники, в том числе сборник документальных очерков и рассказов «Малая земля» Георгия Владимировича Соколова, прошедшего на плацдарме все семь долгих месяцев его обороны. В то время капитан Соколов командовал отдельной разведротой, высадившейся на Мысхако следом за десантниками майора Цезаря Куникова, был дважды ранен и контужен.

Автор выражает глубокую признательность за помощь в написании романа постоянным участникам форума «В Вихре Времен» (forum.amahrov.ru) Александру Оськину и Игорю Черепнову и читателям литературного портала «Author.Today» (<https://author.today>).

Спасибо большое, друзья!

Пролог

Пропажа

Новороссийск, наши дни

– Тебя тоже Егорыч ни с того ни с сего вызвонил? – по-приветствовав товарища, осведомился Лешка Семенов.

– Ну, да, иначе с чего б я в выходной сюда приперся, – пожал плечами Серега Ерасов, с сомнением оглядев запертую дверь штаба поискового отряда. – Не знаешь, что случилось?

– Без понятия, Серег. Торжественное захоронение давно прошло, на коп вроде бы не собираемся, разве кто из пацанов частным порядком на разведку рванет, лето же... короче, не в курсе. Еще и опаздывает.

– Командир не опаздывает, командир задерживается, причем исключительно по уважительной причине! – Внезапно раздавшийся за спинами поисковиков голос заставил обоих вздрогнуть. Несмотря на возраст, Виктор Егорович всегда подходил абсолютно бесшумно – сказывались два проведенных «за речкой» срока. А ведь вроде бы обычным сапером был... или все-таки не совсем обычным? Про это Егорыч никогда не рассказывал – как, впрочем, и про остальные свои афганские приключения. А если напрямую спрашивали – только отмалчивался или парой-другой фраз уводил разговор в сторону.

– Гадаете, зачем звал? – пожав ребятам руки, осведомился тот. – Есть причина, есть. Вот только поговорить об этом могу исключительно с вами, остальные, боюсь, просто не поймут. Не хмурьтесь, бойцы, сейчас все узнаете. – Командир отряда зазвенел ключами, отпирая дверь. – Ладно, потопали внутрь, там и прохладнее, и разговаривать сподручнее, и чак-кофеек имеется.

Включив электрочайник, Виктор Егорович уселся напротив парней и надолго замолчал. Подобное поведение для основателя местного поискового движения было абсолютно несвойственно. Обычно дело обстояло как раз строго наоборот – Егорыч всегда буквально искрил активностью, непрерывно мотаясь из одного конца раскопа в другой, как бы далеко тот ни находился. И лопатой махал наравне со всеми, и с кистью мог, согнувшись в три погибели, над останками хоть час просидеть, слой за слоем расчищая эксгумационный стол. За что и получил (за глаза, понятно, поскольку назвать его так прилюдно никто из ребят бы не решился) у военных археологов кличку «наш живчик». Была и другая кликуха – «энерджайзер», но как-то не прижилась. Да и мало кто из молодых копателей помнил ту старую рекламу...

Вот только сейчас от былой активности отчего-то не осталось и следа, и это откровенно настораживало. Это что ж такого могло случиться, что командира так нахлобучило?!

Термопара сработала штатно, и чайник сухо щелкнул, сообщая, что вода закипела.

Виктор Егорович, словно очнувшись, поднялся с табурета и протопал к столу. Все так же молча заварил себе чай, лишь затем обернувшись к поисковикам:

– Кому что, бойцы? Чай, кофе?

– Может, поговорим сначала? – быстро переглянувшись с товарищем, спросил Алексей. – А то... ну, короче, ты какой-то сам не свой, а, Егорыч? Произошло что? Так расскажи, не зря же звал.

– Не зря, не зря... – задумчиво пробормотал тот, глядя на плавающий в кружке чайный пакетик. – Ладно, слушайте. Помните, с месяц тому сын моего боевого товарища к нам на Вахту приезжал? Старший лейтенант морской пехоты? Учения у них в тех местах планировались. Точнее, в районе Южной Озереевки.

Поисковики снова переглянулись:

– Шутишь, командир? Разве такое позабудешь?! Один перочинный нож из раскопа, второй такой же – из его кармана... волосы дыбом! А что такое, собственно?

– Вот именно, что нож... – пробормотал себе под нос Виктор Егорович, выбрасывая заварившийся пакетик в мусорное ведро. – Короче, такое дело, бойцы. Пропал Степка во время учений, и тела его так и не нашли. А через пару дней и нож, что вы на той позиции обнаружили, тоже исчез...

– В смысле исчез? – непонимающе захлопал глазами Ерасов. – Он же у вас был?

– В том-то все и дело, – пожал плечами командир отря-

да. – Я как про Степу узнал – мне батя его отзвонился, – зачем-то решил на находку вашу поглядеть. Будто изнутри что толкнуло. Вытащил, на стол положил. Буквально на минуту-другую отвлекся, хоть из комнаты никуда не выходил, а он возьми да и исчезни, будто в воздухе растворился. Раз – и нету. На столешнице только крупинки глины остались, той, что между лезвий застряла. А самого ножичка – как не бывало. Испарился, понимаешь ли...

– И... что? – осторожно осведомился Семенов, ощутив, как шевельнулись короткостриженные волосы на голове и по телу короткой волной пробежал озноб. Ерасов, судя по ошалевшему взгляду, ощущал примерно то же самое.

– Что, спрашиваешь? – невесело хмыкнул Виктор Егорович. – Да чуть с ума в тот момент не сошел, вот что! Хорошо, закалка у меня еще советская, армейская, поскольку психов в саперы не брали и тем более «за речку» не отправляли. Оклемался потихоньку, а наутро вас вызвал. Вот такие дела, товарищи бойцы... Есть хоть какие-нибудь мысли, что все это означать может? Вы ж у меня люди продвинутые, книжки всякие читаете про этих, как их там называют? Попаданцев, что ли? Вот и напрягите мозги, помогите своему живчику хоть что-нибудь понять.

С усмешкой оглядев ошарашенных парней, Виктор Егорович хмыкнул:

– Тоже мне, секрет Полишинеля! Уж сколько лет про кликуху эту знаю, так что не парьтесь. Меня больше интересует,

что по существу вопроса сказать можете?

И, с сомнением взглянув на чашку в своей руке, добавил:

– Кстати, коль чаю не желаете, у меня и чего покрепче найдется, как раз под наш будущий разговор...

Глава 1

Санбат

*Плацдарм «Малая земля»,
5 февраля 1943 года*

Влажно блестящий от морской воды БТР-80, вспенивая протекторами прибрежную волну, мягко выкатился на каменистый пляж. Под колесами шуршала, проседая под весом бронемашины, мелкая новороссийская галька. Со стуком опустился более не нужный водоотражательный щиток, крутнулась по погону башня, нащупывая противника стволом крупнокалиберного пулемета. По броне тут же дробно сыпанули немецкие пули, оставляя в местах попаданий отчетливые отметины и с визгом уходя в рикошет. В ответ отрывисто рывкнул «КПВТ», и тяжелые пули буквально в клочья разнесли замеченную наводчиком пулеметную позицию, с одинаковой легкостью прошивая набитые песком мешки и разрывая на части тела расчета. Башня чуть повернулась, снова запрыгали по мокрой броне дымящиеся стреляные гильзы, брызнул фонтанами песка и земли бруствер – и еще одна фашистская огневая точка перестала существовать.

– Вперед, Санька! – заорал старлей, от волнения позабыв про подключенный к ТПУ шлемофон, и механик-водитель послушно увеличил скорость, рывком бросая бронетранс-

портер вперед и уходя из пристрелянного сектора. – Вон туда давай! Иначе минами накроют!

Вовремя – то справа, то слева стали подниматься кусты минометных разрывов. По броне звонко забарабанили осколки и подброшенная взрывной волной галька. Несколько осколков пробили резину колес, но система автоматической подкачки пока справлялась, компенсируя давление, и бэтээр даже не сбросил скорости.

Преодолев неширокую полосу пляжа, «восьмидесятка» добралась до первой линии вражеской обороны. Грохотала, не жалея боеприпасов, башенная пулеметная установка, ревел всеми своими двумястами с лишним «лошадками» дизель, подвеска с легкостью скрадывала любые неровности. Снеся проволочные заграждения и перемахнув опоясывающую зону высадки советского десанта траншеей, БТР крутнулся на месте, развернул башню и двинулся вдоль окопов, продолжая долбить из обоих пулеметов, и крупнокалиберного, и ПКТ. Широкие колеса подминали зазевавшихся гитлеровцев, впечатывая их в неподатливую землю легендарного плацдарма. Скрежетала по днищу зацепившаяся за левый буксирный крюк колючая проволока.

«Странно, почему мы одни, отчего остальные не высадились? Ведь следом вся десантно-штурмовая рота шла, лично видел, как они трюм покинули, – осмотревшись через командирский перископ, задался вопросом Алексеев. – Может, их бэтээр течением в сторону снесло, пока к берегу плыли?

Кстати, и «Новороссийска» тоже не видать, а ведь должен артогнем прикрывать. Один залп бортовых РСЗО – и нам бы вовсе не пришлось боеприпасы тратить, весь пляж на полметра вглубь в выжженную землю б превратили. Две пусковые по двадцать стволов – силища покруче местных «Катюш». Только нет ведь никого, вот какое дело. И бойцов в десантном отделении отчего-то тоже нет, только экипаж – он сам, мехвод Санька Никифоров да наводчик Коля Боровой. Что за чушь?!»

– Командир, танк! – вскрикнул Никифоров, бросая бэтэр в сторону, и старшего лейтенанта болезненно впечатало плечом в бронированный борт.

Сдавленно выругавшись, Степан взглянул в смотровой прибор, установленный в правом скуловом бронелисте. Танк, уже виденный им в этом времени, угловатый Pz-IV, в точности такой, какой он спалил двумя гранатами в последнем бою, неторопливо выползал из-за невысокого прибрежного холма. Плохо, реально плохо – против его брони их пулемет не играет, вообще никак. Окажись на его месте что-нибудь легкое, «двойка», там, или творение чешских танкостроителей, можно было вовсе не париться: башенный «КП-ВТ» прошел бы его едва ли не навывлет. Или даже без «едва ли». Но тут им ничего не светит, от слова «совсем». Зато всего одно попадание башенного орудия – и амба, как морячки говорят. Разворотит, словно консервную банку, от лобовой брони и аж до самой кормы.

– Маневрируй, Сань! У тебя в скорости преимущество! Постарайся в борт зайти, порвем суке гусянку, у нас калибр как у противотанкового ружья!

– Понял, командир! – Мехвод крутанул штурвал, поворачивая бронемашину. – Счас сделаем...

БТР-80 – отличная машина, репутация которой подтверждена тридцатью с лишним годами боевой эксплуатации и десятками локальных войн и конфликтов по всей планете. Закономерный и успешный финал развития всей линейки советских плавающих четырехосных бронетранспортеров шестидесятых-восьмидесятых годов. Неприхотливая и феноменально надежная, особенно когда ею управляет грамотный механик-водитель. Вот только даже самый грамотный мехвод уже ничего не сумеет изменить, если все четыре колеса одновременно проваливаются в немецкую траншею, и четырнадцатитонный бэтэр намертво садится брюхом на бруствер...

Когда бронемашина внезапно завалилась на правый борт, Степан как-то сразу и окончательно осознал, что это конец. Сколько фрицевским танкистам нужно времени, чтобы развернуть башню, навести пушку и выстрелить? Тридцать секунд, меньше? Оставалось только одно – успеть спасти бойцов.

– Экипаж, покинуть машину! Через левую дверь! Быстро! – Ухватив замешкавшегося наводчика за плечо, Алексеев стащил его с сиденья, пихнув в направлении бортового

люка. Лязгнув, распахнулись бронированные створки, ощутимо пахнуло сгоревшим порохом, отработанной соляркой и морем. Море солено пахло водорослями и йодом.

– Уходите налево вдоль побережья, ищите, где наши высадились! Санька, чего тормозишь? Или тебя приказ не касается? Живо наружу, автомат только прихвати! Я догоню.

Вытолкав Никифорова, Степан на миг замер, справляясь с внезапно накотившим ощущением дежавю: ведь все это уже было совсем недавно, разве нет? Он отдавал приказ немедленно покинуть машину, торопил мехвода, напоминая тому про личное оружие. Вот только о том, что произошло дальше, вспомнить он, как ни старался, не мог. Да и какая на фиг разница?! Только драгоценное время теряет, которого и без того почти не осталось...

Заняв место наводчика, Алексеев принял к перископическому прицелу, коснулся рукояток горизонтальной наводки. Особым спецом стрельбы из «БПУ» он, разумеется, не был, но как именно навести башенную пулеметную установку на цель и открыть огонь, знал, поскольку учили. Мощная оптика рывком придвинула вражеский танк – теперь можно было разглядеть даже самые мельчайшие детали. Угловатая башня медленно поворачивалась, нащупывая цель. Эх, сейчас бы долбануть бронебойно-трассирующими по гусеницам да очередью патронов в двадцать – разнес бы вдрызг! Глядишь, и бортовую броню бы пробил, кто его знает, какая там толщина? Жгли же наши фашистские танцы из противотан-

ковых ружей, и хорошо жгли. Вот только не выйдет, увы... Поскольку не видит он ходовой, только башня над землей торчит. Что ж, значит, так тому и быть – будет стрелять по башне. Сумеет разбить смотровые приборы и прицел наводчика – отлично. А уж если повредит пушку, а то и вовсе внутрь канала ствола пару пуль загонит – так и совсем замечательно! Боеприпасов можно не жалеть, перед тем как они застряли, Коля как раз сменил отстрелянную ленту на новую. Вот только... знать бы еще, где именно этот самый прицел наводчика находится?

Совместив прицельную марку с маской танковой пушки, старший лейтенант открыл огонь. «КПВТ» отозвался гулким «ту-ду-ду-дух», заставив корпус бронетранспортера мелко задрожать. Броня «четверки» расцвела короткими вспышками попаданий и рикошетов, и Степан, не прекращая стрельбы, чуть сместил прицел, стараясь попасть по орудийному стволу. Всего одна попавшая в нужное место пуля; всего одна-единственная – и он победил...

В памяти внезапно всплыли воспоминания: один из афганских сослуживцев бати как-то рассказывал, что они любили забивать в ленту патроны МДЗ, причем не один на десяток, а куда чаще. Изначально предназначенные для борьбы с низколетящими воздушными и небронированными наземными целями, 14,5-мм зажигательные пули мгновенного действия отлично работали против глинобитных дувалов и стен из саманного кирпича, при попадании разнося их бук-

важно в пыль. Он же упоминал, что при попадании по танковой броне последняя, понятно, не пробивалась – стального сердечника-то нет, – но подрыв начиненной иницирующей взрывчаткой пули на внешней поверхности порой выбивал с внутренней стороны множество мелких осколков. Смертельно поразить экипаж они не могли, но вот доставить кучу неудобств, а то и лишить зрения – вполне. Причем, если он правильно запомнил, речь шла о танке Т-55, в сравнении с которым никакой фашистский панцер и вовсе не катит. Вот только есть ли в ленте патроны МДЗ, старлей не знал...

Башня немецкого танка замерла, уставившись на бэтээр зловещим черным зрачком семидесятипятимиллиметровой пушки.

«Сейчас выстрелит, – обреченно понял Алексеев, судорожно подкручивая маховички вертикальной наводки. – Ну, да и хрен с тобой. Глядишь, еще и попаду. Прямо в ствол тебе, сучий хрен, подарочек зафигачу!».

Собственно, самого выстрела старлей даже не заметил – на этот раз не было никакого «эффекта слоу-мо» и прочего «будто бы остановившегося времени». Просто что-то коротко сверкнуло впереди – и неисчислимой человеческим разумом долей мгновения спустя все исчезло. Вообще все – и боль, и чувства, и мысли, и время, и пространство.

Только полыхал, выбрасывая вверх жаркое жадное пламя, развороченный, с сорванной башней, бронетранспортер...

– Тише, товарищ старший лейтенант, тише, пожалуйста! Не нужно вставать, нельзя вам! – Чьи-то легкие, но сильные руки опускаются на плечи, прижимая к... а к чему, собственно, прижимая? К земле? Ну, да, наверное, к земле. Значит, он все-таки сумел выбраться из горящего бэтээра, после того как в машину попал танковый снаряд. Так, стоп! Как бэтээр мог гореть, если он утонул еще во время высадки?! Танк – да, был. Тот самый танк, который он собственноручно уничтожил двумя гранатами. Но как он мог стрелять в утонувший бронетранспортер? Да и зачем? Ведь артиллерийский снаряд, ударившись об воду, сразу сдетонирует?

Танк... бронетранспортер... взрыв... фонтан поднятой воды... спасательный круг... выплеснувшееся из-под погона угловатой башни пламя... заполнившая все его существо короткая боль...

Сдавленно застонав, Степан пришел в себя. Никаких провалов в памяти больше не было: последние события он помнил. Точнее, вспомнил. Вот он толкает к дому, где держит оборону кап-три Кузьмин с бойцами, замешкавшегося Ваньку, крича, что боекомплект в немецком танке вот-вот взорвется. И теряет несколько драгоценных секунд, возясь с оброненным товарищем перочинным ножом, который, как ему кажется в тот момент, обязательно нужно уничтожить. И

уничтожил, что характерно: в эпицентре детонации нескольких десятков танковых выстрелов китайская безделушка уж точно уцелеть не могла. Особенно после того, как выгорит заливший боевое отделение бензин из развороченных внутренних баков.

Затем – взрыв... ну и все, собственно.

А вот вступивший в схватку с немецким танком БТР-80 – просто горячечный бред; морок контуженного мозга. Эдакая вольная компиляция недавних воспоминаний, неведомым образом объединивших воедино неудавшуюся высадку, утонувший бронетранспортер и бой с танком в Станичке...

– Кто... вы? – прохрипел старлей, пытаясь сфокусировать взгляд. Получалось не очень, лицо склонившегося над ним человека расплывалось, словно неведомый портретист пытался рисовать акварелью на излишне влажной бумаге. Хотя то, что голос был женским, скорее даже девичьим, никаких сомнений не вызывало. – Где я?

«А ведь все это уже было совсем недавно, – мелькнуло в сознании. – Я уже задавал этот вопрос. Кому? Так Левчуку с Ванькой и задавал, кому ж еще? Когда в том блиндаже в себя пришел, тогда и задавал. Однако две контузии за сутки – это мне реально везет...»

– Так в санбате вы, тарщ старший лейтенант! А зовут меня Томой, ну, Тамарой в смысле. Санинструктор я. Вас бойцы товарища капитана третьего ранга Кузьмина принесли.

– Меня контузило?

– Ага, ребята так и рассказали. Как в немецком танке снаряды ахнули, так вас и приложило. Хорошо, кости не поломало, легко отделались. А контузия – это ничего, пройдет.

Зрение наконец перестало валять дурака, восстановив резкость, и старшему лейтенанту удалось разглядеть собеседницу. Миловидное личико, хрупкая фигурка ростом едва ему по плечо. И это – санинструктор? Как же она раненых таскать станет, с такими-то габаритами?! И, кстати, отчего ее имя кажется ему знакомым? Уж с кем с кем, а с представительницами прекрасного пола он в этом времени пока что однозначно не пересекался.

– Санбат... здесь? Или меня на Большую землю эвакуировали?

– Здесь, конечно, – ответила девушка. – Три палатки да несколько навесов – вот пока что и весь наш медсанбат. Легкораненые целый день землянки роют, брезент от осколков не защищает. А погрузить вас на корабль не успели, поздно притащили. Да и не ждали они долго, как разгрузились да раненых забрали, так сразу обратно и поплыли. Немцы ночью шибко лютовали, стреляли как сумасшедшие.

– Ночью? – сложил два и два Алексеев. – А сейчас тогда что? Утро?

– Так вечер почти, – устало улыбнулась Тамара. – Вы долго без сознания пролежали. Кушать вам пока, наверное, не нужно, так что вот водички попейте, сейчас помогу приподняться.

– Спасибо, – пробормотал морпех, при помощи санинструктора принимая полусидящее положение. Башка кружилась, но вполне терпимо – пожалуй, даже меньше, чем в прошлый раз. Привыкает к контузиям, что ли?

Сделав из поднесенного к губам котелка несколько жадных глотков – вода оказалась прохладной и приятно освежала пересохшее горло, да и пить хотелось сильно, – Алексей осмотрелся. Ну, да, палатка. А лежит он на грубо сколоченном из каких-то досок топчане. По сторонам от него – еще несколько таких же. Все, разумеется, заняты: насколько понимал морпех, это уже новые раненые, сегодняшние, так сказать. Поскольку «вчерашних» ночью отправили морем в тыловые госпитали.

Проследив за его взглядом, Тамара тяжело вздохнула:

– Все койки заняты, даже на землю класть приходится, так и лежат на носилках, пока место не подготовим. Согреваем, как можем, и кострами, и одеялами, и кипятком. Много раненых идет, бой вторые сутки не стихает. Обещали раскладные кровати прислать, ждем. А это мы сами сколотили, на первое время. Сбегали с девчонками к берегу, натаскали снарядных ящиков, там их много валяется, разобрали на досочки. Когда землянки рыть закончим, этими досками стены да потолок обобьем, поверху простыни подвесим – все проще с инфекцией бороться будет. Да и земля на раны при обстреле сыпаться перестанет.

Девушка невесело усмехнулась:

– Да это уже хоть что-то, а вот в прошлую ночь совсем тяжело было. Первую перевязочную устроили, просто натянув на жерди от виноградников плащ-палатки. Правда, недолго она простояла, на рассвете немецким снарядам разнесло, вместе с ранеными.

– Понятно, – кивнул Степан, подумав, что долго валяться на столь дефицитной койке он просто права не имеет. У него всего-то контузия, а тут и куда более серьезных раненых хватает. Нужно приходить в себя и поскорее возвращаться в строй. Мелькнула, правда, мысль сыграть на очередной контузии, симитировав еще одну потерю памяти, теперь уже полную, но... стыдно как-то. Не по-мужски. Там его парни будут кровь проливать, а он тут дурака валять станет? Да и какой смысл? О том, что старлей Алексеев «командир секретной разведгруппы», куча народу знает, включая все местное начальство в лице Кузьмина с Куниковым. Проверке его личности внезапная «амнезия» тоже никоим образом не помешает, так что глупо.

Тут, скорее, нужно как раз наоборот поступить: поскорее доказать полную боеспособность да попроситься на какую-нибудь операцию. А уж там – как кривая вывезет. Главное, чтобы на Большую землю не отправили, там с его хилой легендой вовсе никаких шансов. Даже правду не расскажешь, поскольку, как уже говорилось, камуфляжные брюки с берцами да штык-нож доказательствами иновременного происхождения никак не являются. А все остальное – только

ничем не подтвержденные слова...

Нет, можно, конечно, раскрыться и выложить все, что удастся вспомнить про будущие кампании – Курскую битву, к примеру, освобождение Киева или «десять Сталинских ударов»¹ 1944 года. Еще про Тегеранскую конференцию глав правительств СССР, США и Великобритании рассказать – уж об этом-то простой старлей, кем бы он ни был, точно знать не может. И когда все предсказанное произойдет в названные сроки (их бы еще вспомнить поточнее, сроки эти – ну, не историк он, не историк, самый обычный морпех!), отношение к его словам однозначно изменится.

Вот только ждать этого придется достаточно долго и, скажем так, пребывая в весьма неопределенном состоянии. Проще говоря, его наверняка отправят в Москву и надежно закроют «до выяснения». Да и после не выпустят, особенно на фронт – секретноноситель же, причем хрен пойми какого уровня... нет уж, не нужно нам такого! В стратегическом плане предки с фрицами и сами разберутся, а помочь им и тут можно!

Осторожно спустив ноги на утоптаный пол, Степан при-

---

¹ Десять главных стратегических наступательных операций советских войск 1944 года, в результате которых территория СССР была освобождена от немецко-фашистских захватчиков, а дальнейшие боевые действия – перенесены на территорию противника и оккупированных им стран. Еще одним немаловажным результатом стало окончательное выведение из войны гитлеровских союзников – Болгарии, Румынии и Финляндии (Италия капитулировала еще осенью 1943 года). С этого момента разгром нацистской Германии стал исключительно вопросом времени.

слушался к ощущениям. Вроде ничего так: как бы то ни было, он по крайней мере выспался и отдохнул. В прошлый раз, пожалуй, даже и похуже себя чувствовал. Сейчас бы еще перекусить как следует – и можно жить дальше.

Санинструктор глядела на его действия практически со священным трепетом:

– Товарищ старший лейтенант, вы это зачем?! Нельзя вам вставать, контузия же! Товарищ военврач постельный режим на сутки назначил!

– Уже можно, – вымученно улыбнулся Алексеев, с трудом принимая вертикальное положение. Голова закружилась, накатила легкая тошнота, но он справился, даже не прибегая к помощи Тамары. – Все, закончился мой постельный режим. На ногах доболею. Амбулаторно, так сказать.

– Так нельзя же! – пискнула девушка. – Не положено!

– Мне положено, у разведчиков свои правила. А у товарища военврача и без меня хлопот хватает. Автомат мой где, не знаешь?

– Так вас без оружия доставили, а пистолет и планшетка вон лежат, в изголовье. Еще бинокль есть, я его в планшет спрятала, чтобы не побился ненароком. А вот каски тоже не было, видать, взрывом сорвало.

Глядя, как старлей перепоясывает бушлат ремнем (и кобура с «люгером», и штык-нож оказались на месте), санинструктор обреченно опустила на край топчана:

– Ох, что ж вы делаете, товарищ лейтенант? Меня же на-

кажут...

– Да кто ж такую прелесть обидеть посмеет?! А коль и посмеет, сразу меня зови, приду, разберусь! Условный сигнал – три зеленых свистка в западном направлении! Как увижу – мигом примчусь! Договорились?

Не сдержавшись, девушка фыркнула:

– Ну, коль шутите, значит, и взаправду помирать не собираетесь. Ладно уж, топайте к своим. Хотя и не правильно так. Только я не знаю, где вам их искать – ночью еще пара батальонов высадилась, много новых людей. Вам, наверное, штаб нужно отыскать, но где он расположился, я тоже не в курсе.

– Ну, что правильно, а что нет, это уж я сам решу. Спасибо тебе за все, Тома-Тамара.

Уже выходя из палатки, Степан неожиданно понял, отчего имя девушки показалось ему смутно знакомым. Ну да, конечно, в тех самых мемуарах он ведь читал и про медиков Малой земли, среди которых упоминалась и хрупкая невысокая девчонка неполных восемнадцати лет, санинструктор Тамара Ролева. Между прочим, высаживалась следом за бойцами майора Куникова на причале рыбозавода, участвовала в первых страшных боях, под огнем и пулями перевязывая и оттаскивая в безопасное место раненых. А ночью, под минометным огнем, помогала грузить их на суда для отправки в Геленджик. Как же ее бойцы меж собой называли? Крошкой, что ли? А, нет, Кнопкой! Да, точно, именно так ее и

прозвали – «Кнопка».

Алексеев невесело усмехнулся: что ж, вот и еще с одним местным героем лично познакомился. С самым, пожалуй, миниатюрным героем.

Возвращаться морпех, разумеется, не стал – зачем, собственно? Да и что он ей еще может сказать? Что читал про нее в будущем? Или что она, несмотря на полученное во время сентябрьского десанта в Новороссийский порт ранение, выживет? Глупости...

Глава 2

Непростой разговор

*Плацдарм «Малая земля»,
5 февраля 1943 года*

Отойдя подальше от госпитальных палаток, старлей остановился передохнуть, поскольку голова все еще немного кружилась. В целом же чувствовал он себя, как ни странно, вполне сносно: судя по всему, вторая полученная в этом времени контузия оказалась не столь и тяжелой. А может, ее и вовсе не было, просто глушануло близким взрывом. Видимо, в организме просто сработал некий защитный механизм, запущенный накопившейся усталостью и перенапряжением, вот он и отключился на энное количество часов, необходимых для отдыха. Щелкнул в голове эдакий предохранитель – а голова, как в том старом фильме говорилось, «предмет темный, исследованию не подлежит» – и мозг отдал телу команду перейти в спящий режим. На сколько, кстати, перейти?

Взглянув на трофейный хронометр, Степан даже прищелкнул: получается, он почти двенадцать часов продрых?! Ну, или не продрых, а в полном отрубле провалялся? Вот это придавил массу, блин! На пару суток вперед отоспался...

Ладно, нужно топать на поиски штаба, в этом санинструк-

тор права. А уж там разберемся, не впервой. Вот только где его искать-то, штаб этот? Алексеев осмотрелся. Санбат расположился в длинной балке с достаточно крутыми склонами. Тот, что со стороны противника, весь изрыт строящимися землянками – медики зарываются в землю. Работают, как и говорила Тамара, в основном легкораненые и свободные от службы бойцы, и работают споро – все отлично понимают, что только так можно будет защититься от немецких обстрелов. Наверняка и на боевых позициях сейчас тоже кипит работа. Роятся блиндажи и огневые точки, пробиваются в неподатливом каменистом грунте ходы сообщения и окопы – плацдарм готовится к долгим семи месяцам оборонительных боев. Впрочем, как это ни странно звучит, о последнем сейчас знает лишь один человек на свете, некий старший лейтенант Степан Алексеев. Все остальные, включая и высшее руководство страны, пока просто не в курсе, сколько именно предстоит сражаться Малой земле...

Досадливо помотав головой – и с чего это его вдруг на размышлизмы потянуло, других проблем нет? – морпех двинулся к выходу из балки.

Но не дошел, остановленный радостным вскриком за спиной:

– Тарщ лейтенант, вот вы где! Я вас в санбате ищу, а вы вона куда утопали!

Голос был знаком, и Степан медленно повернулся. Что ж, одной проблемой меньше – похоже, самостоятельно искать

штаб уже не придется, найдется кому пособить:

– Здоров, Вань!

– Здравия желаю, тарщ командир! – Подбежавший Аникеев честно попытался изобразить некое подобие строевой стойки, но вышло плохо. Выглядел рядовой браво: на груди висит «ППШ», на поясе – финка и подсумки с запасными магазинами и гранатами, за пояс заткнуты две «колотушки», да еще и из-за голенища сапога торчит рукоятка немецкого штыка. Ну, просто классический морпех, хоть сейчас фоткай да на передовицу свежего выпуска «Красной звезды» – «советский морской пехотинец на отбитом у противника плацдарме в районе города N».

– Силен, – закончив осмотр, одобрил старлей, широко улыбнувшись. – Немец в бинокль увидит – сразу впереди собственного визга аж до самого Берлина драпанет. Да не хмурься, Вань, дядя просто шутит. У дяди настроение хорошее, поскольку рад, что ты жив-здоров. Выкладывай давай, что да как. Хотя нет, лучше по дороге расскажешь, не с руки мне тут задерживаться. Потопали.

– Сбежали? – понимающе подмигнул Аникеев, пристраиваясь рядом.

– Сбежал, – не стал скрывать Степан. – Некогда мне по больничкам отлеживаться, Вань, воевать нужно. А то вдруг без меня Новороссийск освободите? Так и останусь без медали, а то и ордена.

– Скажете тоже, без вас, – помрачнел морской пехоти-

нец. – Фриц со вчерашней ночи и до сегодняшнего обеда продыху не давал, то контратаки, то обстрелы, то бомбардировки. Сейчас, правда, поутих малехо, выдохся, видать. Да и наши артиллеристы, спасибо корректировщикам, им тоже неслабо в ответ насыпали.

– Понятно. Насчет меня – Томочка наябедничала?

– И ничего она не ябедничала! – возмущенно вскинулся рядовой, торопливо отводя взгляд. – Просто... ну, рассказала, что вы штаб пошли искать.

Судя по предательски заалевшим щекам, в лице Аникеева у санинструктора имелся весьма преданный защитник. Или поклонник. Или и то, и другое одновременно. Хотя тут все понятно: наверняка в санбат его в том числе и Аникеев тащил, вот они и познакомились. Мысленно хмыкнув, старлей решил на всякий случай дальнейшие расспросы прекратить – сами разберутся, не маленькие. Да и вообще... любовь на войне – она такая штука, малопредсказуемая. Тут все под смертью ходят, и равны перед ней тоже все одинаково...

– Ладно, не заводись, – примирительно сообщил старший лейтенант, хлопнув товарища по плечу. – Выкладывай лучше, как там наши? Кузьмин, старшина? Как бой закончился? Я, сам понимаешь, после того как в танке бэка рванул, вообще ни хрена не помню.

– Так нормально все вышло! – оживился Аникеев. – Фрицев за пару минут добили, товарища капитана третьего ранга спасли, шифровальную машину тоже целехонькой вытащи-

ли. Для вас носилки из жердей и плащ-палатки соорудили да и рванули обратно к нашим. Кузьмина бойцы сразу в штаб к товарищу майору Куникову отвели, он сам так распорядился, а вас мы с парнями в медсанбат потащили.

– Левчука не ранило?

– Та не, даже не зацепило, он у нас, видать, заговоренный! За вас шибко переживал, как немец напор сбавил, так сразу меня сюда и послал, узнать, как дела. Вот я и прибежал, а вы уже того... выписались! – Иван довольно осклабился.

– Автомат-то мой где посеяли, вояки? Про каску даже и не спрашиваю.

Аникеев на несколько секунд завис:

– Почему сразу посеяли-то, тарщ лейтенант?! Не в госпиталь же его тащить? У товарища старшины ваше оружие, на временном сохранении, так сказать. Сейчас вернемся, он и вернет. Кстати, вот еще – Томочка... эхм, ну, в смысле, товарищ санинструктор, велела передать, вы в госпитале позабыли. – Боец протянул знакомый подшлемник.

– Вот за это – отдельное спасибо, – кивнул Степан, натягивая трофей наподобие лыжной шапочки. Голове сразу стало ощутимо теплее: до этого он как-то даже и не ощущал, что ходит вовсе без головного убора. – Ладно, разведчик (услышав обращение, Аникеев аж лицом посветлел), веди в штаб! Надеюсь, знаешь, где он нынче расположен?

– А как же, понятное дело, знаю. Тут недалеко, в соседней балке, мигом дотопаем. Только осторожно идти нужно,

фрицевские снайпера постреливают...

Но не успели они протопать и пару сотен метров, как над головой противно завывли мины: гитлеровцы начали обстрел. Спихнув замешкавшегося товарища в ближайшую воронку, оставшуюся, нужно полагать, от прошлого артналета, Степан съехал следом. Организм морпеха на очередное неожиданное изменение условий существования отреагировал на удивление спокойно: похоже, уже окончательно смирился, что спокойно жить ему не дадут. Контузия – вещь, понятно, противная, но минометный обстрел куда хуже. Значит, и реагировать нужно на новую опасность, отложив все остальное на потом. Так что даже голова не закружилась, загруженная задачей выжить. А вот многострадальный бок от резкого движения все-таки легонько дернуло – но, опять же, куда меньше, нежели до того. Да и перевязали его в медсанбате нормально, в этом старлей уже успел убедиться по дороге.

Первые мины рванули достаточно далеко, следующая серия осколочных подарков калибром никак не меньше восьмидесяти миллиметров легла уже ближе: вражеские наводчики нащупывали «санитарную» балку. Вспомнив, что он без каски, морпех прикрыл голову полевой сумкой и ладонями – уж больно обидно получить по многострадальной бестолковке подброшенным близким взрывом камнем или осколком на излете. А так хоть какая-то защита, тем более что внутри, если санинструктор не соврала, еще и его бинокль.

Бум! Бу-бумм! Бум! – на этот раз долбануло совсем рядом, буквально метрах в десяти-пятнадцати. Уши, несмотря на приоткрытый рот, забила ватная глухота, по Ванькиной каске и трофейному планшету забарабанили комья земли.

Аникеев подозрительно завозился, и Степан, не глядя нащупав напрягшуюся спину товарища, прижал того к земле – «лежи, мол, не рыпайся». Хороший он пацан, да и боец неплохой, можно сказать, состоявшийся да обстрелянный. Вот только под обстрелом запаниковать может, как тогда, под Южной Озерейкой. А нам этого не нужно.

Новые взрывы раздались где-то далеко за спиной, и старлей понял, что балка попала в классическую артиллерийскую вилку и следующий залп наверняка ее накроет. Интересно, фрицы знают, что бьют по медсанбату? Вполне вероятно, знают – когда это их подобные мелочи останавливали? Помнится, охота за санитарными поездами и бомбардировка госпиталей для птенчиков Геринга была одним из любимых занятий: уж больно удобно целиться в красный крест на белом фоне. Как на учениях, сложно промахнуться. Ну, а соответствующая конвенция? Так кого это волнует? Не с европейцами ведь воюют, а с дикими азиатскими варварами и прочими унтерменьшами...

Снова заунывный вой падающих мин и гулкое, приглушенное склонами буханье разрывов. Однозначно по госпитальной балке лупят, причем беглым огнем, поскольку пристрелялись, суки. Оставалось надеяться, что медики и легко-

раненые успеют укрыться в землянках, пусть даже и недокопанных. А вот те, кто неспособен самостоятельно выбраться из палатки или лежит без сознания, как сам он недавно... Алексеев зло скрипнул зубами. Сволочи! Ничего, рано или поздно доберутся бойцы до этих минометчиков, точно доберутся. А уж когда доберутся, пленных брать однозначно не станут.

Минут через пять все стихло, лишь налетающий с побережья холодный бриз лениво растягивал плотно затянувший балку дым и поднятую взрывами пыль.

Оглянувшийся Аникеев дернулся было назад, но Степан решительно удержал его за плечо:

– Отставить, это приказ! Двигаем в штаб, пока фрицы снова минами кидаться не начали.

– Но там же... – Морской пехотинец осекся, так и не произнеся имени. Впрочем, Степан его, разумеется, понял:

– Жива она, верно говорю, жива! Сама рассказывала, что это не первый обстрел. Как начинается, они с девчонками сразу в блиндаже укрываются, в том, что уже выкопать успели. Грунт тут каменистый, даже от бомбы защитит, не то что от паршивой мины.

Врал старлей самозабвенно, но ни малейшей вины при этом отчего-то не ощущал. Он просто говорил то, что Ванька *хотел* услышать – вот и все. Почему врал? Да потому, что это в той, ЕГО истории, санинструктор Тамара Ролева благополучно пережила все месяцы обороны. Как будет сейчас, он

не знал. В прошлой версии событий никакой старший лейтенант Алексеев в медсанбат не поступал, и она не сидела у его койки, находясь в этот момент совершенно в другом месте. И фашистская мина, *тогда* взорвавшаяся на безопасном расстоянии, *сейчас* могла рвануть буквально у нее под ногами. Это – цена за изменения истории, что уж тут... но не рассказывать же об этом Аникееву?

– Точно? – буркнул товарищ, шмыгая носом.

– Практически уверен. Так что, Вань, потопали в штаб? И вот еще что, пока я докладывать о прибытии стану («а возможно, что и про себя, любимого, много чего интересного выслушивать, коль там еще и особист обнаружится»), оружие мое и вещи найди. Саперную сумку с детонирующим шнуром и прочими причиндалами помнишь? Вот ее обязательно разыщи, кровь из носу! Чувствую, пригодится еще.

– Так у товарища старшины все в полной сохранности, не волнуйтесь. А идти нам вон туда надобно, тут короткая дорожка имеется, я покажу...

* * *

– Алексеев?! – удивленно вскинул брови капитан третьего ранга, с которым старлей в прямом смысле столкнулся возле свежееотрытого в крутом склоне балки штабного блиндажа. Степан от неожиданной встречи обалдел не меньше Кузьмина. Успев при этом подумать, что ему еще и повезло: вход

охраняли сразу двое автоматчиков, и как им объяснять, кто он такой и за какой, собственно, необходимостью собирается проникнуть на особо охраняемый объект, старлей понятия не имел. Выглядел комбат вполне браво, разве что опирался на массивную самодельную трость, изготовленную кем-то из местных умельцев. Из-под флотской ушанки проглядывает свежая повязка, посеченная осколками нога, нужно полагать, тоже перебинтована.

– Ты почему здесь? Мне доложили, что ты отправлен в госпиталь с тяжелым ранением.

– Здравия желаю, тарщ капитан третьего ранга! – отрапортовал морпех, вытягиваясь по стойке смирно – козырять с подшлемником на голове было как минимум глупо, а никакого другого головного убора у него не имелось. – Так точно, оглушило малость, было такое дело. Вот бойцы и решили, что меня всерьез нахлобуч... виноват, ранило! А из госпиталя меня только что выписали. Готов приступить к исполнению обязанностей!

– Значит, сбежал, – понимающе усмехнулся комбат, сам того не ведая, повторив сказанное Аникеевым. – Ладно, дело твое, коль считаешь, что готов и дальше воевать – отлично. Разведчики нам сейчас как воздух нужны! Особенно такие опытные. Кстати, насчет «оглушило малость» – это ты про танк, как я понимаю? Мне бойцы рассказали. Каждый день по фашистскому танку жечь – впечатляет. Так у фрицев, глядишь, скоро танки и вовсе закончатся. – Кузьмин улыбнулся,

тут же снова став серьезным.

– Представление на тебя и бойцов твоих я написал, без наград не останетесь, обещаю. Пленных и шифромашину к нашим отправили, за это тебе тоже причитается, я в рапорте все подробно расписал. Теперь дальше: тут с тобой osobист местный поговорить шибко хотел, ты ж, насколько я понял, по его ведомству проходишь. Да только задерживается он, а ждать мне некогда, поскольку буквально только что я новый приказ получил. Как раз по твоей специальности. Успеет – пообщаетесь, нет – до следующего раза обождет. Короче, двигай за мной, введу в курс дела.

«Лучше бы не успел, – мрачно подумал Алексеев, следом за кап-три заходя в блиндаж. – Опоздает – глядишь, и пронесет. Ну, до следующего раза, понятно, не всю жизнь же мне от контрразведчиков бегать. А вот приказ по моей специальности – очень любопытно, очень».

В блиндаже, кроме них двоих, никого не оказалось. Обстановка штаба была поистине спартанской – грубо сколоченный из досок от армейских ящиков стол, пара лавок да недавно изготовленная из «ленд-лизовской» бочки от ГСМ печка-буржуйка. Недавно – поскольку воняла она, несмотря на выведенную через крышу дымовую трубу, неслабо. Ярко-желтая наружная краска еще полностью не обгорела, наполняя помещение едким химическим запахом. Дальняя часть блиндажа отгораживалась натянутой под бревнами наката плащ-палаткой – видимо, там располагалось место для

отдыха.

Заметив на лице старшего лейтенанта гримасу, Олег Ильич хмыкнул:

– Воняет, сам знаю. Нужно было еще на улице обжечь как следует, да бойцы торопились обогреть наладить, сыро тут пока что, земля мерзлая. Ничего, перетерпим. Присаживайся к столу, поговорим.

– Как ваша нога?

– Да нормально, осколки удалили, рану почистили, лекарствами какими-то обработали да перевязали. Говорил же, некогда мне по госпиталям отлеживаться. Здесь нужнее. Да и сам-то ты? Не остался ж на койке отлеживаться, сбежал? То-то же. Все, довольно время попусту тратить.

Передвинув поближе к центру столешницы керосиновую лампу – не коптилку из снарядной гильзы, а нормальную «летучую мышь», уже виденную морпехом в трофейном блиндаже на окраине Южной Озерейки, – Кузьмин расстелил перед старлеем карту.

– Короче, так, лейтенант. Вокруг да около ходить не стану, не в моих правилах. Так что сразу к делу: бойцов на плацдарме пока хватает, а ночью и еще подкинут, плюс артиллерию да боеприпасы выгрузят. Потому командование приказало создать пару разведдиверсионных групп из числа наиболее опытных бойцов и основательно пощупать немца за всякие мягкие места. Особенно в районе Васильевки, Абрау-Дюрсо и Глебовки, где ты уже бывал. По возможности постарайтесь

выяснить судьбу воздушного десанта, про них у нас и вообще никакой информации нет. Если сумеете их обнаружить, принимай ребят под командование и вытаскивай оттуда. Но это, сам понимаешь, не основная задача, потому рисковать запрещаю. Федотовку и Широкую Балку тоже без внимания приказано не оставлять, особенно если в последней и на самом деле немецкие танки базируются. В первую очередь, понятно, именно разведка – нам категорически важно знать, что они готовят, какие силы стягивают – не мне тебе объяснять, сам все знаешь. А при возможности, так и рвануть там чего важного, чтобы им жизнь медом не казалась, или жирного «языка» прихватить – это для тебя тоже не впервой. Конкретных задач вам не ставится, пойдете в свободный поиск. Так что бери своих бойцов и еще человека три-четыре – и вперед. Радиостанция у вас будет, остальная экипировка и вооружение – на твое усмотрение. Карту тоже получишь, под роспись. Такую же, как эта, – сам видишь, хорошая карта, подробная, только вчерашней ночью с Большой земли доставили. Пойдете дня на три-четыре, а уж там – как получится. Задача ясна?

– Так точно. – Откровенно говоря, Степан ощутил, как с души рухнул хрестоматийный камень: похоже, ему пока везет. Еще бы особист до самого выхода подзадержался – так и вообще здорово. – Разрешите выполнять?

Как неожиданно выяснилось, радость оказалась несколько преждевременной...

– Погоди, разведка, – мрачно буркнул капитан третьего ранга. И, помедлив несколько секунд, продолжил, не глядя на старлея:

– Поговорили мы ночью с товарищем майором, и вот ведь какое дело – он отчего-то до сих пор твердо убежден, что основной десант планировался именно в Озерейке, а его бойцы лишь отвлекали внимание противника. Не объяснишь, Степа, отчего он так думает?

«Вот и приплыли, – мелькнуло в голове Алексеева. – Все верно, с чего бы Куникову считать свой десант основным, до него-то совсем иное доводили. Блин, ну как не вовремя-то! И пацанов от окружения спас, и “малоземельцам” помог – и вот нате вам. Наша песня хороша, начинай сначала, угу. Готовый шпион, особенно ежели вот прямо сейчас товарищ особист заявится, да простой вопрос задаст – “а ты, старлей, собственно-то говоря, кто таков будешь? Мне бы для начала хотя б документики твои глянуть, а уж там...”. А отвечать-то ведь нужно, причем прямо сейчас. Ладно, попробуем вот так... и уверенности в голосе побольше...»

– Товарищ капитан третьего ранга, на этот вопрос я, по сути, уже отвечал: операции «Море», частью которой и являлись десанты под Озерейкой и Станичкой, был присвоен наивысший уровень секретности. Фашистская разведка свое дело знает туго, в этом вы... мы вчера убедились. О том, как все обстоит *на самом деле*, знало лишь высшее руководство операцией. Отчего до вас не довели истинное положение ве-

щей, я отлично понимаю, о чем тоже уже говорил. Вероятно, с товарищем майором ситуация строго аналогичная. Если помните мои слова, даже командиры десантных судов и кораблей огневой поддержки и охранения вскрыли пакеты с *настоящим* заданием только после выхода в точки высадки. До того они тоже ничего не знали.

– Это все?

– Все. Никаких других подробностей я попросту не знаю – не мой уровень. Я уже докладывал, у моей группы была своя задача, весьма схожая с только что переданным вам приказом. Немецкие тылы, если кратко. Собственно, задач было несколько, и как минимум одну из них я с вашей помощью успешно реализовал – помог избежать ловушки и вывести бойцов. А сейчас собираюсь вернуться к выполнению основного задания. Разведка и диверсии. По возможности – захват особо ценных пленных из числа офицерского состава немецких или румынских частей.

Комбат несколько минут молчал, глядя перед собой, затем нехотя сообщил:

– То, что ты весьма непрост, я еще вчера понял, да и потом не раз убеждался. Ну, хоть не шпион, и то ладно, шпионы так себя уж точно не ведут. Больше, полагаю, ничего добавить не хочешь?

– Простите, товарищ капитан, ничего.

– Но ведь мог бы, а? – Взгляд Кузьмина, казалось, прожигал морпеха насквозь.

– Мог. Но не добавлю.

– Ну, я иного ответа и не ждал. Добро. Иди, готовь бойцов. С темнотой пойдете, коридор вам обеспечат.

– Так точно, – дернул подбородком старлей, вовремя вспомнив, что по-прежнему без головного убора.

Когда Алексеев, пригнув голову, уже поднырнул под низкую притолоку входа, за спиной раздалась негромкая фраза комбата:

– А особиста нашего я, если что, приторможу. Хороший он мужик, правильный. Вот только больно въедливый, быстро не отпустит, а у меня приказ. Мне разведданные как воздух нужны. Да и ты, что-то мне подсказывает, не шибко горюешь желанием с ним вот прямо сейчас общаться. Как вернешься, так и поговорите. Только имей в виду – рапорт мой вместе с шифрмашинной и пленным радистом уже у командования операцией. На «большой земле», как ты выражаешься. Не так чтобы шибко подробный, но основные моменты я описал – сам понимаешь, иначе никак. Это тебе для общего, так сказать, сведения...

И неожиданно резко спросил, будто меж лопаток выстрелил:

– Старлей! Не из контрразведки ты, это я уж догадался. Секретов раскрывать не прошу, да и не нужны они мне, своих хлопот хватает. Просто ответь – войсковая разведка или флот?

– Флот, товарищ капитан третьего ранга.

И, больше уже не оглядываясь, вышагнул наружу, аккуратно прикрыв за собой щелястую дверь штабного блиндажа.

Проводив Степана задумчивым взглядом, Кузьмин неторопливо вытащил из помятой пачки папиросу, привычно сплющил гармошкой гильзу и прикурил, приподняв стекло керосиновой лампы. Выпустив дым, негромко пробормотал себе под нос:

– Вот это уже больше на правду похоже. Хотя тоже не факт – врать ты горазд. Ох, и не прост ты, старлей, ох не прост! Но я тебе отчего-то верю. Не враг ты, старшой, точно не враг. Знать бы еще, кто ты на самом-то деле таков? Неужели и вправду из какой-то вовсе уж хитрой структуры, подчиняющейся напрямую Ставке? Судя по поведению, очень даже на то похоже. А что тебя здесь используют – так мало ли какое у тебя *настоящее* задание? Может, как раз присмотреть за всем происходящим да и доложить куда следует. От первого лица, так сказать, доложить, напрямую. Вон ту же шифромашину взять – ты ведь, старлей, заранее знал, что это такое, даже практически и не удивился, когда пленный про нее сказал...

Глава 3

Новые товарищи и нежданный гость

*Окрестности Широкой Балки,
ночь 6 февраля 1943 года*

Незаметно покинуть плацдарм удалось на удивление легко: после полуночи фрицы особенно не усердствовали, по крайней мере, на выбранном для прохода участке. Даже надоевшие хуже горькой редьки «люстры» взмывали в небо куда реже, нежели в прошлые ночи. Так что группа из пяти морпехов неспешно протопала по дну извилистого оврага, практически упирающегося в свежестрытые гитлеровцами траншеи, с час полежала в кустах, изучая организацию местной обороны, распорядок смены патрулей и частоту отстрела осветительных ракет, и никем не замеченная перебралась на противоположную сторону.

Несколько десятков секунд – еще не осознавшие, что застряли здесь аж до самой весны, фрицы пока даже не установили проволочных заграждений и минных полей, – и разведчики оказались в немецком тылу. Который, собственно говоря, ничем не отличался от удерживаемой морпехами местности: та же каменистая почва, то же ночное небо над головой, те же голые по зимнему времени кусты и деревья. Но

это была уже *вражеская* земля. Временно, понятно, но тем не менее вражеская. Не наша. Чужая. Смертельно опасная...

Маршрут Алексеев продумал, едва изучив полученную карту. Понятно, что идти вдоль шоссе, в обратном порядке повторяя путь к Станичке, было не слишком разумно – одна из немногих местных дорог всю использовалась гитлеровцами для переброски подкреплений. Да и выводы из вчерашних событий они наверняка сделали. Потеря десятка автомашин, нескольких противотанковых пушек вместе с боезапасом и сотни (а то и больше, как их там сосчитаешь в темноте?) солдат – весьма, знаете ли, этому способствует. В итоге старлей решил двигаться напрямик к Широкой Балке, благо поселок как раз и числился одной из главных целей разведывочного. Да и подобраться можно более-менее безопасно, гору фрицы пока еще не превратили в укрепленный район, которым он недавно пугал Кузьмина. А вот что их ждет на ближайших подступах к населенному пункту? Понятно, что ничего хорошего. Ну, да ничего, проживем – увидим, как говорится. Главное, и увидеть побольше, и пожить подольше, желательно как минимум до Победы. Собственно, в сам поселок Степан соваться не собирался: слишком уж близко от передовой, на шумишь – и конец разведке, останется только возвращаться, причем, вполне возможно, бегом и отстреливаясь от злых европейцев в фельдграу. Чего бы, понятное дело, категорически не хотелось...

– Все готовы? – Старший лейтенант оглядел бойцов.

Численный состав его группы на сей раз разросся аж до семи человек. Вполне нормально – две боевые тройки и радист. Можно воевать. С экипировкой и вооружением тоже все нормально, у всех автоматы с тройным бэка на ствол, плюс снайперка. Взрывчатка и средства взрывания тоже имеются: Левчук не только сохранил сумку с ДШ и прочими саперными прибабасами, но и разжился десятком двухсотграммовых толовых шашек и солидной бухтой огнепроводного шнура. Где именно он их раздобыл, Степан спросить не успел – да не особенно и интересовался. Каждую ночь на плацдарм прибывали тонны военного имущества, и было бы наивно предполагать, что среди всего этого добра не найдется и тротила. Из прочего снаряжения с собой прихватили несколько немецких плащ-палаток: на последнем настоял сам старлей, а Аникеев, не задавая ненужных вопросов, ухитрился буквально за полчаса добыть требуемое – трофеев на плацдарме хватало.

– Да как обычно, командир, чай, не впервой, – пожал плечами Левчук. – Можно дальше топать.

Стоящий рядом со старшиной Аникеев просто важно кивнул, с некоторым даже превосходством покосившись на новых бойцов: ну, а что? Имеет полное право! Чай, не впервой в разведку идет, можно сказать, костяк группы! Бойцы, занятые подгонкой снаряжения, его взгляда, впрочем, не заметили. А старлей с Левчуком, незаметно переглянувшись, дружно скрыли улыбки.

– Остальных не слышу, – чуть повысил голос Степан. – Построиться!

Разведчики без особой спешки выстроились перед командиром группы.

– Короче, так, мужики. Языком трепать я не шибко горазд, потому скажу буквально пару слов – и побежали. Понимаю, что вы меня не знаете, как и я вас. Так что боевое слаживание проведем по ходу дела. Это не слишком хорошо и даже в корне неправильно, ну так война идет, много на что времени не хватает. Кто я такой, вам товарищ старшина должен был рассказать, а Семен Ильич зазря болтать не станет. Пока этого достаточно, а знакомиться по-человечески будем после возвращения, за рюмкой чая, как говорится.

Судя по удивленным лицам, насчет «рюмки чая» он сказал зря – не оценили. Лишь Левчук понимающе хмыкнул, поскольку уже привык к выдаваемым командиром непривычным словечкам и фразам. Ладно, учтем.

– Вопросы?

– Не имеется, – за всех ответил стоящий с левого фланга морской пехотинец.

Алексеев обвел взглядом бойцов, припоминая то небольшое, что успел ему рассказать старшина перед самым выходом.

Тот, что докладывал – старший сержант Никифор Баланел. Бессарабский молдаванин, то ли из Рени, то ли из одного из окрестных сел. Участник обороны Одессы, после эва-

куации войск в октябре сорок первого воевал в Крыму, сейчас попал сюда, под Новороссийск. Немногословен и редко улыбается: семья осталась в оккупации, и живы ли они, не знает. Свободно владеет молдавским и румынским языками, что в их ситуации весьма полезно.

Снайпер, ефрейтор Николай Ивченко. Полная противоположность угрюмому молдаванину – весельчак и балагур, за словом в карман не полезет. Но стреляет отменно – на прикладе «СВТ» с оптическим прицелом больше двух десятков зарубок. Так делают не все – если попадешь в плен, легкой смерти можно не ждать, фрицы тоже отлично знают назначение этих насечек. Откуда он родом, старшина не знал, но заметный «южный» говорок однозначно указывал на не столь уж и дальние края – Одессу или Николаев.

Младший сержант Анатолий Мелевич, бывший танкист, непонятно каким ветром занесенный в славные ряды морской пехоты. Воевал с августа сорок первого, дважды горел в танке, сменил – вернее, пережил – три экипажа. После госпиталя попал в морпехи. Судя по фамилии – белорус, да и легкий акцент присутствует. В принципе, полезный товарищ – мало ли что, вдруг немецкий панцер затрофеят? С «бронезапорожцем»-то Степан худо-бедно справился, а вот с танком – вряд ли совладает. И все же весьма любопытно, как он тут оказался? Танкистов, особенно кадровых, как правило, в другие рода войск не перекидывали, экипажей всегда не хватает. Это новый танк построить не столь уж сложно,

железо оно железо и есть, а вот обучить экипаж...

Ну, и последний боец, их радист. Этот сугубо флотский, в звании главстаршины. Здоровенный парниша, в сравнении с габаритами которого даже немаленькая радиостанция смотрится несерьезным ящичком за плечами. Егор Прохоров, ленинградец. Узнав о последнем, старлей сразу же спросил у Левчука относительно его семьи – блокада прорвана меньше месяца назад, и в городе сейчас еще несладко. Старшина в ответ лишь головой качнул: «не, командир, тут все нормально, детдомовец он, без родни, стало быть».

Вот такой вот интернационал, одним словом.

Все бойцы из числа тех, кто высаживался следом за отрядом майора Куникова – из «озерейковцев» только они с Левчуком да Аникеевым. Случайно ли так вышло или нет, Степан даже не задумывался – других хлопот хватало. Но за языком, по крайней мере первое время, придется следить. Это Семен Ильич с Ванькой к периодически проскакивающим в его речи «будущанским» выражениям уже попривыкли, а новые люди могут и не понять.

– Ну, а коль не имеется, так и времени терять не станем. Снарягу... в смысле амуницию подогнали, ничего не стучит, не грекает? Киваете? Тогда попрыгали, а я послушаю. Молодцы. Мелевич! И?

– Виноват, тарщ старший лейтенант! – Танкист торопливо скинул с плеча сидор, возясь со стягивающим горловину узлом. – Видать, патроны из картонки рассыпались. Я счас,

быстро, пару минут.

– Мужики... – Алексеев снова скользнул взглядом по лицам бойцов – теперь уже *его бойцов*, за которых он отвечает лично и перед командованием, и перед собственной совестью. Отвечает с того самого момента, когда остались за спиной фашистские траншеи.

– Еще раз повторю, если кто с первого раза не понял: с этой секунды мы даже не отряд, мы – единый организм. Каждый боец которого – его орган. Откажет печень или почки – всему организму хана. Хихикаете? – Фыркнул в принципе только Аникеев, но Степан просто не мог оставить подобного без внимания. – Дай-ка угадаю, про что подумал? Небось про блудень молодецкий дурная мысль в головушку пришла?

Бойцы, не скрываясь, заржали, а лицо Аникеева покрылось красными пятнами – хоть прикуривай.

– Всегда говорил, что шутка в бою жизнь спасает. На войне без юмора никак нельзя, поскольку душа выгорает, а человек без души – труп. Но тут ты, браток, мимо кассы попал, не тот случай!

– Виноват, тарщ командир! Глупость сморозил!

– Ну, формально-то говоря, ты и слова не произнес, – широко улыбнулся старлей, по лицам разведчиков видя, как спадает напряжение, пожалуй, что и взаимное. И только многомудрый Левчук, зараза эдакая, внешне никак не прореагировал, разве что едва заметно ухмыльнулся в прокурен-

ные усы. – Ладно, пошутили – и будет. Всем все понятно? Книжку про трех мушкетеров читали?

– Читали, – на сей раз подал голос радист. – А чего там в той книжке такого особенного?

– Да ничего в принципе, – пожал плечами Степан. – Просто девиз у них хороший был, «один за всех – и все за одного». Вот так и мы. У одного патроны в неподходящий момент друг об дружку звякнул, фриц услышит – и даст очередь. И всем остальным полный трывдец настанет. Короче, заболтались мы. Проверились, готовы? Тогда двинули...

– А вопрос можно? – неожиданно подал голос тот, кого старлей меньше всего ожидал услышать, – старший сержант Баланел.

– Задавай.

– А вот как мне шутить, коль вся семья под румынами осталась – жена с двумя дочками да мамка старая? А румыны нас сильно не любят. Узнают, что я под Одессой да в Крыму воевал – а мы там много мамалыжников под землю спроводили, – всех повесят, а дом спалят. Может, и некуда мне уже возвращаться, кто его знает?

Степан на несколько секунд откровенно завис: ну, и что ему отвечать? Ох, не вовремя Никифор свой вопрос задал, ох, не вовремя! И ведь не смолчишь: вон как остальные напряглись. Да твою ж мать!

– А я за товарища старшего лейтенанта сам отвечу, – внезапно пришел на помощь Левчук, сделав рукой незаметный

жест – «МОЛ, МОЛЧИ».

И продолжил – жестко, резко, даже не произнося, а выплевывая слова:

– Так шутить, как все другие шутят. Тут у многих родня под фашистом осталась, не у тебя одного, и ничего, живут и воют! Верят, что живы все, что встретятся еще. Землю свою поскорей назад отбить хотят. Коль душа выгорит, как командир наш сказал, кому ты такой нужен будешь? Тебе, браток, ежели только о плохом думать способен и в светлое не веришь, только один путь остается – сразу на тот свет. Вона, германские траншеи в ста метрах – бери гранату и вперед! Глядишь, и завалишь парочку иродов, ежели они тебя первым не пристрелят. Только остальным дай подальше отойти...

– Товарищ старшина, да я ж вовсе не то имел в виду! – возмущенно вскинулся Баланел, изменившись в лице. – Вы это чего удумали, чтоб я – да панику с прочим пораженчеством разводил?! Да я этих гадов бил и бить буду, да хоть зубами рвать, ежели патроны закончатся! А уж чтобы товарищей подставить?! Никогда такого не будет!

– Отставить! – негромко буркнул старлей. – Никто тебя ни в чем не обвиняет. А на душе сейчас не только у тебя одного тяжело, много тут таких, это товарищ старшина верно сказал. Ничего, скоро встретишься со своими, точно говорю. Максимум через год освободим твою Бессарабию, вот с семьей и повидеешься. Живы они, не сомневайся даже, нельзя

в плохое верить. Главное, сам под дурную пулю или осколок не подставься.

– Уверены, товарищ старший лейтенант? – тяжело вздохнул разведчик. – Силен фриц пока что...

– Абсолютно убежден, – отрезал Степан, мысленно прикинув, что никаких военных тайн в принципе не раскрывает. Может, и не стоило столь уж откровенничать, дойдет до командования – возникнут новые никому не нужные вопросы, но что уж теперь? Как говорится, сказал «а» – говори «б». Да и бойцы слушают – аж рты пораскрывали. Вот и уследил за языком, блин...

– В этом году мы фрица окончательно измотаем, сломаем, так сказать, хребет ихней хваленной военной машине. А в сорок четвертом так вперед рванем, что только держись. К весне Одессу освободим, следом из Крыма фашиста выбросим, а уж там и на границу выйдем. Ну, а дальше все понятно – попрум безостановочно до самого Берлина. И флаг наш над руинами Рейхстага поднимем.

Разведчики молчали, переваривая информацию и, очень на то похоже, ожидая продолжения. Нет уж, достаточно на сегодня. И без того лишнего наговорил.

– Все, товарищи красноармейцы и краснофлотцы, закончена политинформация! Двинулись. Порядок следующий: в головном дозоре иду сам, удаление двадцать метров, Мелевич, Баланел – фланги, десять-пятнадцать метров, дальше не отходить. Ивченко – тыл, тоже двадцать. Дозорным и за-

мыкающему – максимум внимания, башкой вертеть на все триста шестьдесят. Главное – не шумим да под ноги внимательно смотрим, на подходах к поселку фрицы могли мины установить. В лесу – вряд ли, но тоже перестраховаться стоит. Вперед!

И негромко добавил, проходя мимо нахохлившегося Ани-кеева:

– А тебе, Вань, особое задание. Прохоров радиостанцию и запасные батареи тащит, старшина тоже нагружен будь здоров, а ему уж не двадцать лет. Так что присматривать за ними придется тебе как самому молодому и мобильному. Ивченко, конечно, отличный стрелок, но в ночном лесу от его снайперки толку мало. А ты боец уже опытный да и с автоматом отлично управляешься. Не подведи!

– Чтоб я да подвел?! – вскинулся рядовой, мигом просветлев лицом. – Даже не переживайте, товарищ командир, все путем будет!

– Вот и хорошо. Все, потопали...

Борт катера МО-054, тот же день

Поднявшаяся после полуночи трехбалльная волна нещадно валяла «морской охотник»² с борта на борт, с завидным

---

² Автор в курсе, что официально противолодочные катера проекта «МО» назывались «малый охотник». Однако в мемуарах участников обороны Малой земли и многих военных моряков куда чаще используется именно название «морской охотник». Отчего так, точно неизвестно. Предназначен для обнаружения и уничтожения вражеских подводных лодок, несения дозорной службы или охранения

постоянством окатывая палубу потоками ледяных брызг. Можно было укрыться в боевой рубке или одном из кубриков, однако капитан государственной безопасности Сергей Шохин не спешил этого делать. Родившийся в рыбацком поселке совсем недалеко от этих мест, он любил море, даже такое суровое, каким оно бывает зимой. Да и прорезиненная плащ-палатка, в которую он был закутан с головы до ног, помогала, надежно защищая от влаги.

Но самое главное, сына черноморского рыбака, что уж тут греха таить, откровенно укачивало, причем даже при куда более слабом волнении – бывает и такое. Покойный отец уже лет в десять перестал брать его на борт своей шаланды, отшучиваясь тем, что травить за борт – оно, понятно, дело привычное, но не стоит приучать рыбу к столь богатому прикорму. Морская болезнь – она такая штука, непредсказуемая. Вон, даже знаменитый английский адмирал Нельсон, говорят, всю жизнь этой напастью страдал. Так что незачем товарищам морячкам про его слабость знать.

Вот он и стоял, вцепившись задубевшими пальцами в лерное ограждение. Не просто так стоял, понятное дело – размышлял. Благо было о чем подумать: не случайно же его столь срочно (и практически ничего не объясняя) отправили под Новороссийск, где всего пару суток назад нашим десантникам удалось всерьез закрепиться на узкой полоске при-

---

транспортных судов и боевых кораблей. Вооружен 45-мм пушками, крупнокалиберными пулеметами и глубинными бомбами.

брежной суши...

Сергей невесело усмехнулся, в который раз облизнув горько-соленые от морской воды губы: да уж, любопытное у него задание выходит! И всему виной некий старший лейтенант морской пехоты Степан Алексеев (отчество, что характерно, неизвестно, поскольку никаких документов он не предъявлял, объяснив это их потерей вместе с утонувшей одеждой), назвавшийся командиром секретной диверсионно-разведывательной группы, практически в полном составе погибшей во время высадки в районе Южной Озерейки.

Вот только по имеющейся на данный момент информации не было там никакой «секретной разведгруппы», по крайней мере, по линии НКГБ! В принципе ничего столь уж необычного и подозрительного в этом не усматривалось: контрразведчик прекрасно знал, как проходил и чем закончился озерейковский десант. В котором наверняка участвовали и сотрудники смежных структур как армейской, так и флотской разведок. Причем, понятное дело, не ставя друг друга в известность – к чему бы, собственно говоря? Секретность никто не отменял. Абвер, несмотря на все старания контрразведки, работает, и неплохо работает – высадки на побережье у Озерейки гитлеровцы ждали и к ней подготовились. Вот и вышло... как вышло, что уж тут.

И общего бардака хватало, и нескоординированность действий флотских подразделений и авиации свою роль сыграла, и неверная оценка сложившейся ситуации непосред-

ственным командованием десанта – да много еще чего, в чем соответствующим органам еще предстоит разобраться самым подробным образом. Так что никто бы этим старшим лейтенантом и не заинтересовался – во время столь масштабных операций и не такое случается. Тем более воевал он, судя по полученным сведениям, не просто хорошо, а даже и отлично, что вполне соответствовало им же самой озвученной информации: диверсанты на то и диверсанты, чтобы бить фашиста куда лучше, нежели обычные бойцы.

Если бы не одно существенное «но», мгновенно вызвавшее особый интерес контрразведки – захваченная у противника шифровальная машина, сопутствующие секретному прибору документы и фашистский связист, умеющий на ней работать и готовый сотрудничать! Слишком уж серьезный трофей, чтобы не заинтересоваться личностью того, кто его добыл.

Плюс – рапорт капитана третьего ранга Кузьмина, описывающий обстоятельства захвата особо ценного трофея и не менее ценного пленного. В котором, собственно говоря, впервые и прозвучало имя старлея Алексеева. С кратким описанием его боевого пути: два уничтоженных танка, взрыв склада артбоеприпасов, нейтрализация батареи орудий ПТО и минометной батареи, значительное число лично уничтоженных, в том числе в рукопашной схватке, солдат и офицеров противника, помощь в организации прорыва остатков десанта на Мысхако – и так далее, и тому подобное.

Вот с последним-то и возникла первая странность: со слов комбата Кузьмина выходило, что старший лейтенант Алексеев однозначно утверждал, будто основной десант изначально планировался именно в районе Станички, а роль отвлекающего маневра выполняла высадка под Озерейкой. Объяснял он это особой секретностью операции, о реальном плане которой якобы знало только ее высшее командование. Мол, фашисты нас ждали, но буквально в последний миг их удалось переиграть и отвлечь внимание от истинной цели десанта.

Вот только в штабе никто о подобном изменении планов операции «Море», как сразу же и выяснилось, в курсе не был. И никаких изменений просто не существовало в природе, а немецкие приготовления наша разведка и на самом деле откровенно проглядела. И если бы не предупреждение непонятного старлея, настаивающего на немедленном прорыве сводной бригады к Мысхако, эти восемь сотен морпехов, скорее всего, неминуемо попали бы в окружение и оказались уничтожены гитлеровцами – возможности прийти им на помощь на тот момент просто не имелось.

Да, наше командование быстро все это осознало и было готово отдать приказ о прекращении наступления на Глебовку и воссоединении с бойцами майора Куникова. Вот только связи с морскими пехотинцами не имелось... до того самого момента, пока Алексеев – снова Алексеев! – не захватил немецкую радиомашину вместе с радистом! По всему выходило, что он и *на самом деле* заранее знал, что подобный

приказ придет! И последнее уже не укладывалось вообще ни в какие рамки!

И – все, количество связанных со старлеем необъяснимых *странностей* перевалило некий рубеж, и закрутились отлично смазанные шестеренки могучей государственной машины, остановить которую до получения того или иного результата теперь было уже невозможно.

Старшим лейтенантом ЗАИНТЕРЕСОВАЛИСЬ всерьез.

Оттого и мерзнет сейчас капитан Шохин на палубе, в который раз прокручивая в голове все известные на данный момент подробности о непонятном разведчике-диверсante (ну, или кто он там на самом деле?).

Конечно, выводы пока делать рано, но все же вряд ли этот старлей – фашистский шпион. Нет, понятно, что враг хитер и коварен, так что никаких вариантов исключать нельзя. Вообще никаких! Но вот взять ту же шифрмашину – Сергей прекрасно знал, что подобные в руки советской разведки уже попадали, впервые – так и вовсе еще в сорок первом году. Вот только без поясняющей документации, которую фрицы всегда успевали уничтожить, и уж тем более без умеющих пользоваться прибором специалистов! Так что и разобраться в ее работе толком не удавалось – немцы просто сменяли роторы и протоколы шифрования – и все. Поэтому значение конкретно этого трофея очень велико! В связи с чем и нужно срочно выяснить, кто таков этот самый Степан Алексеев...

Если, конечно, все происходящее – все-таки не хитроум-

ный ход вражеской разведки, частью которого вполне может оказаться и старший лейтенант. Задача которого в том и состояла, чтобы аккуратно сдать нам шифратор под видом захваченного в бою трофея. Впрочем, проверить последнее не столь и сложно, нужно лишь «разговорить» пленного радиста, который просто не может не участвовать в игре, без него вовсе теряющей всякий смысл. А на серьезного игрока оберфельдфебель как-то не шибко тянул: капитану хватило одного взгляда, чтобы составить его приблизительный психологический портрет – много на кого с начала войны насмотрелся. Да и до войны он тоже без дела не сидел, шпионов и всяческих вредителей хватало. Не врет этот упорно называющий себя австрийцем немец (с точки зрения Шохина никакой особой разницы нет, но фриц отчего-то настаивает именно на австрийском происхождении) точно не врет! И очень скоро работающие с пленным, к этому моменту уже благополучно доставленным в Москву вместе с шифрмашинкой и прочими документами, специалисты это окончательно подтвердят...

– Тарщ капитан госбезопасности! – Неслышно подошедший моряк – да и попробуй хоть что-то расслышать сквозь рокот ритмично бьющих в невысокий борт волн! – осторожно тронул Сергея за плечо, отрывая от размышлений. – Пройдите, пожалуйста, в рубку или спуститесь в кубрик. Мы подходим, скоро будем в зоне действия фашистской артиллерии. Опасно тут, нельзя на открытом месте стоять.

– Добро, – не стал спорить Шохин, мысленно тяжело вздохнув.

Здесь, на продуваемой всеми ветрами палубе, морская болезнь отступала, а как будет внизу? Впрочем, не важно: впереди, несмотря на сгущающийся прибрежный туман и низкую облачность, и на самом деле уже можно было рассмотреть взмывающие над плацдармом светлячки осветительных ракет. Еще несколько кабельтовых, и фашистские наблюдатели заметят приближающиеся катера и сейнеры и откроют огонь – для них это единственный шанс ослабить советскую оборону, не позволив перебросить сражающимся подкрепление и боеприпасы.

Уже подходя к рубке, Шохин кивнул в сторону плотно сидящих на корме и баке морпехов:

– А эти бойцы тогда как? Если опасно да нельзя?

Сопровождающий лишь угрюмо буркнул, с лязгом отворяя овальную дверь:

– Дык куда ж их девать, тарщ капитан? Десант же. Да и шансов так больше, чем внутри сидеть. Коль тонуть начнем, постараемся на последних парах поближе к берегу подойти, глядишь, вплавь доберутся, люди опытные. Вы ступайте, тарщ капитан, ступайте. Уж извините, но у нас тут сейчас жарковато станет. Помочь все одно не сможете, так что не нужно и мешать. Случись что, сигайте в море да плывите напрямки, до берега не так и далеко будет. Только одежду верхнюю скинуть не забудьте, иначе вниз потянет, и не паникуй-

те. И автомат свой тоже не жалеите, выкидывайте – на берегу новый сыщете, а с этой железякой можете и потопнуть.

Молча кивнув, Сергей переступил через высокий комингс боевой рубки, освещенной тусклым светом ламп аварийного освещения.

Последние сказанные матросом фразы отчего-то запали в память: «только одежду верхнюю скинуть не забудьте, иначе вниз потянет. И автомат свой тоже не жалеите».

Где-то он подобное уже слышал, причем совсем недавно. А, ну да, в том же самом рапорте комбата Кузьмина: старлея Алексеева именно так из моря и вытянули, без верхней одежды и оружия, один только штык на поясе остался. Успел, стало быть, лишний груз сбросить, чтобы под воду не уйти. Оттого, мол, и документов не имелось – вместе с бушлатом на дно ушли. Нужно будет уточнить этот момент, свидетелей опросить, так ли все на самом деле обстояло...

А со стороны невидимого в тумане берега уже потянулись рванные трассы крупнокалиберных пуль. Лопнули над головой осветительные снаряды, встали далеко впереди пенные фонтаны пристрелочных выстрелов. Катер ощутимо качнуло в сторону, кладя на борт – рулевой менял курс, сбивая вражеским артиллеристам прицел. За кормой поднялся могучий бурун вспененной винтами воды – маскироваться и дальше смысла больше не имелось. И теперь главным преимуществом юрких «морских охотников» становились скорость и маневренность, и мотористы выводили двигатели на

максимальную мощность...

Глава 4

Места знакомые и не очень

*Окрестности Широкой Балки и Глебовки,
6 февраля 1943 года*

– Собственно, что и требовалось доказать. – Старлей опустил бинокль. – Нету тут больше никаких танков, все под Станичку ушли. Подозреваю, что часть из них там уже благополучно и спалили.

– Согласен, командир, – не отрываясь от наблюдения, кивнул Левчук. – А вот рембат ихний вместе с тыловиками на прежнем месте остались. Обратил внимание?

– Обратил, понятно, как тут не обратить. А вообще, неплохая позиция, не зря мы тот крюк по лесу сделали. Вышли как по ниточке.

Место, где перед самым рассветом затаились разведчики, с точки зрения наблюдения и на самом деле оказалось просто отличным: отсюда, с западных отрогов горы Колдун, почти весь поселок просматривался как на ладони. Далековато, конечно, ну да им с этой позиции не стрелять. Все, что нужно, они уже увидели, так что можно уходить. Уходить столь же тихо и незаметно, как и пришли около часа назад. Ожидай фрицы нападения со стороны горы, наверняка заминировали бы все подходы к Широкой Балке, в том числе и

этот склон, заодно окружив станицу, как принято называть населенные пункты в этих краях, сетью окопов и пулеметных точек. Но основные события разворачивались несколькими километрами восточнее, и ничего подобного гитлеровцы не сделали. По-крайней мере пока. Так что удобную позицию временно заняли советские разведчики.

– Ближе, я так понимаю, не пойдем? – осведомился Семен Ильич, по старшинству исполняющий обязанности заместителя командира разведгруппы.

– Нет, конечно, к чему рисковать? Да и фрицев в поселке полно, сам же видел, как туда-сюда шастают. Сто двадцать пятая пехотная, как я понимаю. Большую часть наверняка уже перебросили на Мысхако, а эти пока остались, тылы стерегут. Так что нечего нам тут больше делать. А вот рембат – это важно. Значит, часть подбитых машин однозначно сюда на починку отволокут, да и сейчас они без дела не стоят – штук пять танков и пару самоходок я точно насчитал. Плюс в соседнем дворе грузовики какие-то припаркованы, то ли с топливом, то ли боекомплект панцermanам возят. Кстати, заметил – зениток у них нет? Выйдем на связь – доложим, будет у наших возможность – накроют бомбами. А вот на обратном пути, если тем же маршрутом возвращаться станем, глядишь, и пошалим маленько, коль взрывчатка еще останется. Согласен?

– Согласен, понятно. Ну, а коль так, не стоит тут и дальше торчать. Шибко мне твой рассказ про горных стрелков покоя

не дает.

– Ты про тех, о которых я Кузьмину докладывал, что ли? – припомнил старший лейтенант разговор с комбатом перед выходом сводной бригады из Южной Озерейки. Старшине он об этом, собственно, тоже рассказывал, хоть и без лишних подробностей. – Это да, не хотелось бы с ними столкнуться, вояки опытные, по горам скакать привычные. Хотя и не факт, что они все еще в этих краях обитаются – мы-то из окружения уж больше суток как вырвались, так что нечего им тут делать. Скорее всего, их тоже поближе к плацдарму перебросили.

Левчук скептически хмыкнул:

– Хорошо бы, коль так... Я с подобными дел не имел, но подозрение имею, что, ежели сядут на хвост, трудновато нам оторваться будет.

– Да ладно тебе прибедняться, старшина, ты ж по опытности мне сто очков вперед дашь! Ну, не во всем, понятно, но во многом – точно. Разберемся мы с этими эдельвейсами, тут все ж таки не Кавказ. Давай отползай осторожненько, а я следом двину. Больше надолго останавливаться не станем, пока что выдвигаемся в направлении Глебовки, а уж там разберемся, что нам больше интересно...

До памятного шоссе, по которому сутки назад прорывалась сводная бригада, разведчики добрались за час. И еще почти столько же лежали в придорожных кустах, изу-

чая обстановку и дожидаясь удобного момента, чтобы перебраться на противоположную сторону: движение оказалось неожиданно оживленным. Гитлеровцы окончательно осознали, что нахрапом справиться с закрепившимися под Станичкой десантниками не удалось, и принимали меры. В сторону Мысхако перебрасывались подкрепление, бронетехника, боеприпасы и горючее, обратно везли раненых, полные кузова стреляных артиллерийских гильз, тянули подбитые танки – понятное дело, лишь те, которые имело смысл восстанавливать.

Периодически проносились на мотоциклах делегаты связи и легковые автомашины, принадлежавшие кому-то из местного командования. Последние шли исключительно под охраной бронетранспортера или даже целого грузовика с пехотой в тентованном кузове. Впрочем, сейчас Степана это не волновало: задачи захватывать пленного в первый день разведывахода перед группой не стояло. А дальше? Вот дальше и поглядим – если подвернется удобный момент, никакая охрана кандидату в «языки» не поможет. Хотя тут тоже возможны варианты – кто его знает, как оно пойдет? Глядишь, и прихватят кого в поселке. С собой, понятно, не потащат, обработают на месте – информация, как известно, лишней не бывает. По обстоятельствам, короче говоря. Универсальная формула на все времена, ага...

Наконец просматриваемое в обе стороны на добрую сотню метров шоссе опустело, и старший лейтенант дал отмаш-

ку первой паре разведчиков. Перебежав дорогу, бойцы за-
таились на противоположной опушке, изготовив к бою ору-
жие. Короткий взмах рукой – и еще двое на той стороне. Об-
менявшись взглядом со старшиной – Левчук коротко кив-
нул, поудобнее перехватив пистолет-пулемет, – морпех вме-
сте с Аникеевым рванул вперед. Секунда, другая – и они про-
дрались сквозь придорожные заросли, укрывшись в крохот-
ной ложбинке, дно которой укрывал грязный слежавшийся
снег. Убедившись, что все в порядке, старшина тяжело по-
трусил следом. Успел в самый последний момент – справа
неожиданно раздался усиливающийся с каждым мгновени-
ем треск мотора, и из-за поворота показался мотоцикл с ко-
ляской, следом за которым двигался тупорылый грузовик.
Старлей сдавленно выдохнул сквозь плотно сжатые зубы –
повезло! Вот так порой диверсанты и палятся. Смешно, но
когда читал в своем времени про Великую Отечественную,
частенько недоверчиво хмыкал: мол, да что ж такого сложно-
го дорогу-то перебежать?! И что с того, что дорога в немец-
ком тылу? Зря, как выяснилось, хмыкал...

– Ф-фух, пронесло, – сообщил запыхавшийся Левчук, ста-
вя оружие на предохранитель.

– Меня тоже, – мрачно сохмил вряд ли известной в этом
времени шуткой Степан. Старшина, как ни странно, тяжело-
весный командирский юмор оценил, сдавленно фыркнув:

– Все юморишь, старшой? Это правильно, мне так даже
спокойнее. Вот ежели ты своими шуточками да словечками

всякими непривычными вдруг бросаться перестанешь – тогда все, нам точно амба. А так – нормально. Уходим?

– Причем быстро. Бойцы, всем внимание. Выдвигаемся, порядок прежний, часа полтора идем без привалов, так что ежели кому по нужде приспичило или портянки, там, перемотать – пару минут на все про все...

Добравшись до более-менее знакомых мест, Алексеев повел группу прежним маршрутом – изобретать хрестоматийный велосипед он не собирался. Так что к обеду разведчики дотопали до изрядно прореженного взрывом склада боеприпасов леса неподалеку от Глебовки. Переход вышел непростым, поскольку двигаться пришлось исключительно через горы, избегая любых дорог и найденных троп. А местные горы, сплошь покрытые лесом и изрезанные многочисленными балками и распадками, хоть и не отличались особенной высотой, легкопроходимыми назвать было бы сложно, скорее как раз наоборот. Порой приходилось делать солидный крюк, обходя стороной круто спадающие на десяток метров обрывы и подыскивая подходящее для спуска и последующего подъема место. Наверняка летом, когда лес и склоны оврагов затянуты буйной южной зеленью, пришлось бы еще сложнее, а так хотя бы видно, куда не следует идти...

Никакой гаубичной батареи на прежнем месте уже не было: уцелевшие артиллеристы давным-давно убрались восвояси, оставив после себя так и незаконченные позиции, вдоль и поперек перекопанный гусеницами арттягачей луг, выбри-

тый ударной волной памятный овражек и десятки раскиданных по окрестностям неразорвавшихся снарядов. Собственно, именно наткнувшись на глубоко зарывшуюся в землю чушку стапятимиллиметрового осколочно-фугасного «поросенка», Степан окончательно и убедился, что они на верном пути.

Коснувшись уже неопасного серого цилиндра кончиками пальцев, старлей мысленно шепнул «ну, привет, крестничек» и отмахнул настороженно наблюдавшим за его действиями бойцам:

– Двинули дальше. И не напрягайтесь так, снаряды без взрываков были. Нехай ржавеют, после войны наши саперы разберутся. Но на всякий пожарный под ноги глядите, мало ли что. Не наступать, не пинать, ручками шаловливыми не трогать. Мужики, знаю, что устали, сам такой. Скоро и передохнем, и перекусим. Но не сейчас, нам еще примерно с километр протопать нужно.

Напороться на гитлеровцев Алексеев не опасался: нечего тут фрицам делать. Им сейчас и на плацдарме проблем хватает. Да и не сунутся они в лес, засеянный собственными же снарядами, – с подобным у них полный орднунг, поскольку опасно. И саперов на разминирование тоже не пошлют – зачем, собственно? Обезопасить местное население от случайного подрыва? Даже не смешно: вот уж что-что, а интересы аборигенов просвещенных европейцев в любой демократически оккупированной ими стране интересуют в самую

последнюю очередь. Точнее, вовсе не интересуют. Ни сейчас, ни в двадцать первом веке, подтверждением чему была и расколотая кровопролитной гражданской войной многострадальная Югославия, и Ирак с Афганом, и прочие пораженные ползучей скверной цветных революций страны по всему земному шару. Потому и дорога к недалекому поселку обещала быть относительно безопасной. Ну, если не нарываться, понятное дело.

Без разведки соваться в Глебовку, разумеется, не стали. Почти добравшись до цели, отошли на километр в сторону, где и расположились на дневной привал на дне глубокого распадка с крутыми, изрезанными обвалами склонами, одного из множества подобных в этих горах. Выставив наверху посты и лично obeжав округу, Алексеев разрешил развести небольшой бездымный костерок, вскипятив воду и разогрев консервы – уставшим бойцам нужна горячая пища. Время для привала старлей выбрал не случайно: до оговоренного с Кузьминым сеанса связи оставался почти час, как раз передохнуть и подкрепятся. Затем отправят шифрограмму и уйдут, сделав очередной крюк и выйдя к поселку совсем не с той стороны, откуда их можно ожидать. Вряд ли фрицы их запеленгуют, это не настолько просто, как показывают в кинофильмах, но выход в эфир незнакомого передатчика засекут однозначно. Равно как и приблизительный квадрат, откуда велась передача, так что рисковать не стоило.

Чтобы еще больше запутать противника, время было за-

ранее оговорено с командиром второй разведгруппы, направившейся в район Васильевки, – оба передатчика должны выйти в эфир одновременно. Главное, чтобы лейтенант Мишин со своими парнями благополучно отработал по Федотовке, нигде не спалившись, – задачи обеих групп были схожими. Широкая Балка и Федотовка – наблюдение, Глебовка и Васильевка – разведка и, возможно, диверсии. Касательно Абрау-Дюрсо и окрестностей конкретных задач не ставилось, хоть и предполагалось, что выяснить обстановку в этом районе крайне желательно. Вроде бы авиаразведка углядела там полевой аэродром³, однако наверняка подтвердить информацию не удалось.

Своими мыслями Степан пока с товарищами не делился, даже со старшиной, не говоря уж про комбата, но для себя однозначно решил, что их главная задача – как раз там. Вражеский аэродром в каких-то десяти-пятнадцати километрах от плацдарма – это, знаете ли, пипец как важно и серьезно! Особенно если именно там и базируются бомберы, второй день утюжащие Малую землю! Жаль, что никакой информации из будущего на этот счет у него не имелось – не отложилось в памяти, увы. Ну, или нет там никакого аэродрома – Алексеев вроде бы помнил, что в основном фрицы взлетали с территории Крыма. Зато если есть... Старлей даже зажмурился от удовольствия. Это ж как можно гадам малину-то

---

³ Автор напоминает, что описываемые в книге события могут частично или полностью не совпадать с реальной историей.

поломать, чтобы грубее не выразиться?! Расхреначить его к известной матери вместе со всей инфраструктурой – вот это реальная помощь плацдарму, не то что парочку танков спалить! Да и не только ему – эти же самые «Юнкеры» и на наши корабли охотятся, сволочи. Особенно на те, что серьезно отпора оказать не могут – пойди отбейся от пикирующего бомбардировщика из парочки «ДШК» или малокалиберных зенитных пушек. Нет, точно, должны они этот аэродром найти, должны! Обязаны просто! Главное, чтобы он там и на самом деле был...

– Держите, тарщ старший лейтенант, вашу пайку! – Незаметно подошедший Аникеев протянул командиру банку разогретой на огне тушенки, накрытую парой сухарей. От умопомрачительного аромата рот Степана мгновенно наполнился вязкой голодной слюной – даже голова закружилась. – Сейчас и чаек принесу, поспел как раз.

– Спасибо, Вань. Сам поел?

– Так точно!

– Тогда ложкой поделись, – усмехнулся морпех. – Моя-то так где-то на дне морском и лежит, хозяина с тоской вспоминает.

– А, вон вы о чем. – Аникеев вытащил из-за голенища алюминиевую ложку, с сомнением оглядел. – Только я это, не мыл, негде. Облизал просто. Не побрезгуете?

– Нормально. – Алексеев забрал у товарища столовый прибор. – Левчук тоже пообедал? Добро, тогда пускай сме-

няет охрану, где я секреты расположил, он в курсе. Сорок минут до эфира, как раз поесть успеют...

Дождавшись, пока Прохоров разматывает антенну и подготовит радиостанцию, Степан взглянул на наручные часы. Кивнул радисту:

– Егор, сверимся. У меня минута до сеанса.

– Так же, – подтвердил главстаршина, натягивая наушники и кладя палец на передающий ключ. Блокнотный листок с зашифрованным сообщением он пристроил перед собой. – Готов.

– Время. Передавай.

Странник-1 – Хромому. Был квадрате 23–12. Целых почтовых коробок не наблюдал, отправили адресату. Видел много поломанных, но еще крепких, можно сколотить обратно. Местные продают керосинки и телеги с овощами. Голубей можно покормить, хулиганов с рогатками не засек. Иду квадрат 25–18. Здоров, не кашляю. Родственники со мной видаться не хотят, тусят в одиночку. Конец связи.

В переводе на нормальный язык это означало примерно следующее: «Танков в Широкой Балке нет, вероятно, переброшены на плацдарм, но рембат восстанавливает поврежденные. Засек автомашины с топливом и боеприпасами. Можно провести авианалет, средств ПВО не обнаружил. Иду в район Глебовки. Потерь не имею. Следов воздушного десанта не нашел».

Ключевые слова и фразы Степан заранее оговорил с ком-

батом, добавив кое-что и из своего времени. По крайней мере, старлей был абсолютно уверен, что слово «тусят» ни один немецкий дешифровщик не поймет. Капитан третьего ранга, разумеется, тоже не понял, пришлось предложить свой вариант: мол, слышал в одной деревне такое стародавнее выражение, означающее тайную встречу влюбленных парня с девушкой. Произошедшее якобы от названия берестяного тусеса, в котором влюбленные приносили на свидание что-нибудь вкусненькое или горячительное. Олег Ильич объяснением так впечатлился, что даже записал интересное слово в блокнот. А Степан в очередной раз мысленно отругал себя за болтливость, в то же время признавая, что после случайно введенного им в обиход термина «Малая земля» – это просто мелочь, вряд ли способная хоть как-то повлиять на ход дальнейших исторических событий. Тем более пару последних суток он только тем и занимался, что изменял этот самый ход, где-то меньше, где-то больше. Так что смело можно плюнуть и растереть.

А вот позывной «Хромой» Кузьмин предложил сам, имея в виду раненую ногу, чем еще раз подтвердил, что с самоиронией и чувством юмора у него все в полном порядке...

Оглядев готовых к выходу разведчиков, Степан сообщил: – Вот и все, мужики. С этого момента фрицы о нас знают. По крайней мере, приблизительный квадрат, откуда велась передача, наверняка засекут, поскольку ни разу не дураки и эфир слушают исправно. Так что удваиваем бдительность и

прочую осторожность. Вопросы?

– Не имеется, – мотнул головой их снайпер, ефрейтор Ивченко.

– Добро. Тогда еще кое-что. Два дня назад, одновременно с высадкой под Южной Озерейкой, в район Глебовки – Васильевки был сброшен авиационный десант. Где они сейчас, командование не знает, связи с ними нет. Возможно, нам удастся это выяснить. Главное другое: десантники сильно на шумели в этой местности, и фашисты их наверняка ищут, и ищут плотно. Поэтому наша первостепенная задача – не вляпаться в неприятности. Потому повторяюсь – максимальная осторожность. И еще...

Откровенно говоря, Алексеев не был точно уверен, стоит ли вообще об этом говорить, но и промолчать не мог. Почерпнутые из Всемирной сети сведения – они такие сведения, дели на три, как говорится, но и рациональное зерно там тоже порой встречается.

– Одним словом, имеется информация, что однозначно надеяться на лояльность... – заметив в глазах бойцов непонимание, старлей тут же перефразировал, – на полную поддержку местного населения не стоит. Бывали случаи предательства и добровольного сотрудничества с врагом. Так что и тут тоже – максимальная внимательность и подозрительность.

Разведчики угрюмо молчали, переваривая сказанное. Хорошо хоть без вопросов обошлось – не хватало только, что-

бы кто-нибудь спросил, откуда это известно, если со времени высадки еще и трех полных суток не прошло. А вот старшина, наоборот, кивнул с явным одобрением: мол, правильно говоришь, командир, поддерживаю. Нужно будет узнать, отчего так.

– Егор, свернулся? – Морпех взглянул на радиста.

– Так точно, – отрапортовал Прохоров, закидывая за спину ящик радиостанции. Вытащив из кармана коробок, запалил спичку, поднеся огонек к листку с шифровкой. Дождавшись, пока бумага догорит, растер пепел подошвой сапога. – Все, тарщ командир, можно дальше топать.

– Первым иду сам. Боковой дозор – Мелевич и Аникеев, Баланел – тыл. Попрыгали. Нормально. Вперед, бойцы.

Уходя, Степан придиричиво оглядел место их недолгой стоянки. Придаться оказалось не к чему, поскольку люди в его группе подобрались опытные и понимающие: кострище и обожженные в огне консервные банки закопаны и прикрыты дерном, ничего лишнего на поверхности не валяется. Так что никаких следов: сейчас не лето, земля мерзлая, отпечаток обуви практически не держит. Правда, кое-где на дне распадка лежит снег, но влажность и местные туманы давно превратили его в слежавшуюся ледовую массу, оставить на поверхности которой след было непростой задачей. Лично он бы еще и махоркой все присыпал, иди знай, не пойдут ли следом какие-нибудь любители служебных собачек. Но с куревом у бойцов не так чтобы очень, свои запасы они уже

практически подвыбрали, а новой отравы на плацдарм пока не завезли. Так что старлей по здравому размышлению решил пока палку не перегибать. А на самый крайний случай в его сидоре лежат два брикета вонючей местной махры, стробованные с комбата перед выходом. Знающий, что Степан табаком не балуется, Кузьмин поначалу было удивился, но затем задумку оценил и горячо одобрил. Разведчики про заначку пока не в курсе, если что, можно будет и любителей портить легкие порадовать, и пущенных по следу овчарок разочаровать...

Обойдя поселок по широкой дуге, разведчики по камням преодолели крохотную речушку Озерейку (а в окрестностях Новороссийска, насколько помнил Степан, все реки исключительно малые, порой даже не имеющие собственных названий, так что никто из бойцов даже ног не замочил) и подошли к Глебовке с северо-западной стороны. Сделано это было с тем расчетом, чтобы между ними и местом, откуда велась недавняя радиопередача, лежал сам поселок. Степан надеялся, что этой хитрости окажется достаточно, дабы обмануть возможных преследователей – если, конечно, таковые вообще появятся на горизонте.

Подобрав подходящую позицию на господствующей высоте, снова затаились, занявшись наблюдением. Однако ничего особенно примечательного пока что высмотреть не удалось. Поселок как поселок, каких здесь много. Если немцы и засекли их радиостанцию, то на жизни местного гарни-

зона это никоим образом не отразилось – по крайней мере, поднимать солдат в ружье для поиска русских диверсантов никто не собирался. Лениво шлялись по узким улочкам парные патрули. На широком подворье, до войны, видимо, занимаемом МТС, возились возле своих грузовиков водители. Из всей имеющейся в наличии бронетехники Алексеев заметил парочку бронетранспортеров и легкий танк с приплюснутой башней, вооруженной двумя пулеметами. Насколько он понимал, это был Pz-I – вроде бы других чисто пулеметных танков у фрицев не имелось. Хотя кто его знает? Большим спецом в БТТ морпех не был, в широко известную в его времени сетевую игрушку тоже ни разу не рубился, хоть и помнил, что на вооружении вермахта стояло великое множество трофейных танков, как советских, так и собранных по всей Европе – чешских, французских, польских. Но уж на двухбашенный Т-26 – единственный известный Степану советский пулеметный танк – этот шушпанцер точно не походил, поскольку второй башни в упор не наблюдалось. Да и фиг с ним, тут другое интересно.

А заинтересовал Алексеева местный штаб, расположившийся в отдельно стоявшем здании под двускатной крышей, до оккупации наверняка бывшем сельсоветом, школой или колхозным клубом. В том, что это именно штаб, старший лейтенант несколько не сомневался. И место подходящее, и машины перед крыльцом соответствующие – две легковушки и уже знакомый вездеход под брезентовым тентом. Плюс

на заднем дворе, если глаза с трофейным биноклем не врут, еще и бэтээр заныкан, видимо, с целью усиления охраны. И неподалеку от него еще одно приземистое строение, то ли отапливаемый сарай, то ли какой-то барак – по крайней мере, над плоской крышей торчит дымовая труба вроде тех, что устанавливают вместе с буржуйками.

Последним доказательством был унылый часовой с винтарем за плечом, которого старлей, как ни странно, отлично понимал. Лица отсюда, конечно, не разглядишь даже в бинокль, но в том, что караульный именно унылый, Степан отчего-то не сомневался. Ну, а кому понравится штаб охранять? Не склад, даже не автопарк. Ни покурить, ни присесть, ни отлить за угол сбегать – торчи себе как истукан у входа да тянись в струнку, едва только дверь распахнется – поди узнай, кто именно из нее появится? Может, просто писарь или денщик, а может, и сам герр офицер. Который при ненадлежащем исполнении караульной службы имеет все возможности всерьез усложнить дальнейшую жизнь... не столь уж и долгую, поскольку этот штаб Алексеев решил однозначно посетить. Хотя конкретно этому фрицу может и повезти – к полуночи он наверняка сменится, а наносить визит вежливости раньше (а скорее, гораздо позже) Степан даже не собирался. Порядочные диверсы в светлое время суток по вражеским штабам не шарятся, поскольку моветон, знаете ли. Главное узнать, где у них пехота квартирует – несмотря на почти часовое наблюдение, выяснить этого пока не уда-

лось. Ничего похожего на казармы в поселке точно не имеется, значит, по хатам. Это и плохо, и хорошо, смотря с какой стороны посмотреть. Ничего, до сумерек еще добрых часа полтора, глядишь, разберутся. А вот план операции стоит прикинуть уже сейчас.

– Старшина, оставь наблюдателя с прикрытием, бинокль ему свой отдай, остальных отводи в тыл метров на сто. Потом ко мне, пошептаться нужно.

– В гости к германцу собрался? – влет просек Левчук.

– Да вот знаешь, Семен Ильич, не решил еще. Риск большой, так что думаю пока.

– Ну, ежели надумаешь, я против не буду, так и знай. Только вот что, Степа, – на этот раз вместе пойдем. Обузой не стану, верно говорю – сам же недавно сказал, что опыту моему доверяешь.

Старший лейтенант внимательно взглянул на товарища и медленно кивнул:

– Добро, обсудим, времени полно. Если все-таки решимся погулять ночью по поселку, нам тут еще долго торчать...

Глава 5

Штаб

Глебовка,

7 февраля 1943 года

В Глебовку пошли группами по три бойца. Непосредственно к штабу – Алексеев со старшиной и Аникеевым. Не совсем правильно, конечно, чтобы и комгруппы, и его зам шли вместе, но за прошедшие дни они уже достаточно притерлись друг к другу, и Степан не стал раздвигать прошедший боевое слаживание отряд. Да и Левчук оказался категорически против, убедив старлея, что Баланел справится ничуть не хуже его самого.

Тройка Баланел – Мелевич – Ивченко двинулась в сторону бывшей машинно-тракторной станции. Их целью было заминировать бронетранспортеры и автомашины, особенно парочку приехавших под конец дня грузовиков с бочками и канистрами в кузовах – к этому времени старшина уже просветил старлея, что автоцистерны в вермахте, оказывается, большая редкость, а ГСМ перевозят в основном именно подобным образом. Ну и рвануть, когда придет время.

Вариантов действий предполагалось всего два: если возле штабного здания начнется стрельба и прочий ненужный шум – сразу, отвлекая внимание от спалившихся товарищей.

Если же те отработают тихо – то двинуться следом, оставив смертоносные ловушки, срабатывание которых зависело исключительно от того, как скоро кто-то из фрицев полезет к заминированной технике. С точки зрения Степана не самый надежный способ (угу, вот кто бы говорил – со складом боеприпасов вполне себе сработало!), но со средствами дистанционного радиоподрыва в этом времени пока туго. Так что оставались старый добрый тротил в шашках, ДШ с капсюлями-детонаторами, запалы от ручных гранат и много тонкой проволоки, заметить которую ночью – задачка весьма нетривиальная.

С другой стороны, в том, что все это добро в любом случае бабахнет, старлей не сомневался. Имелась на этот счет одна задумка, которую он заранее обговорил с бойцами, благо времени на обсуждение хватало – идти в поселок решили после трех часов ночи. Так что разведчики получили возможность и отдохнуть как следует, и по пунктам разобрать план предстоящей операции, на чем Алексеев настаивал особо.

В глубине души морпех искренне надеялся, что события станут разворачиваться именно по второму варианту – уходить «с оркестром» не хотелось категорически. Во-первых – как-то непрофессионально, во-вторых – шестерых разведчиков, пусть даже опытных и обстрелянных, все ж таки маловато против как минимум роты расквартированной в поселке пехоты. Если отрежут пути отхода – все, сливай воду, туши свет. Останется только героически погибнуть, постаравшись

перед этим отправить в Валгаллу как можно больше будущих эйнхериев. А вот куда собираются попадать их румынские камрады, Степан понятия не имел – настолько далеко его познания в древней германо-скандинавской мифологии, сформированные в основном амерскими кинофильмами, не распространялись.

Главстаршина Прохоров остался дожидаться в точке сбора в километре от Глебовки с однозначным приказом в поселок, что бы там ни случилось, не лезть – рисковать радиостанцией старлей не собирался ни при каких обстоятельствах. Если разведгруппы не вернутся к оговоренному сроку, он должен был отойти на несколько километров севернее и выйти в эфир, передав последнюю радиограмму, заранее написанную Алексеевым. После чего самостоятельно возвращаться на плацдарм любым подходящим маршрутом, при необходимости уничтожив рацию и шифроблокнот. Полученный приказ Прохоров воспринял крайне неохотно, но и оспаривать не решился, отлично осознавая правоту старшего лейтенанта: без радиста и передатчика главную задачу никак не выполнишь, командование ждет разведданных...

– Часовой за угол завернул, – шепнул Левчук. – Там и возьмем. Ты или я?

– Давай ты, – без колебаний ответил Степан. – А я внутрь, как управишься – присоединяйся. Ванька, дуй на ту сторону, окна стереги. И чтобы тихо, стрелять запрещаю до самой крайней необходимости.

– Понял, – коротко кивнул Аникеев, растворяясь в темноте. Старшина, поудобнее перехватив финку, молча кивнул, подтверждая готовность.

Старлей зачем-то взглянул на наручные часы. Три часа сорок три минуты утра. Странное совпадение, но, как внезапно подсказала память, именно в это время 22 июня первая волна немецких бомбардировщиков пересекла границу СССР. А спустя еще семнадцать минут в расположениях советских погранзастав взорвались первые вражеские снаряды и мины. Вот выбрал же он время! Ничего, будет вам сейчас двадцать второе июня в миниатюре! Камерный вариант, блин...

Легонько хлопнув Левчука по плечу, Степан преодолел оставшиеся метры и взбежал на крыльцо. Если дверь окажется запертой, возникнет проблема – так запросто ее не откроешь, придется заходить через окно, чего бы очень не хотелось. С другой стороны, к чему закрываться, если снаружи часовой бдит? Прислонив автомат к стене слева от входа, морпех бросил взгляд на петли и осторожно толкнул дверь. Почти нормально, изнутри всего лишь несерьезная накидная щеколда, а в образовавшуюся щель вполне можно просунуть лезвие. Никаких проблем – вытащить из ножен штык, поддеть, придержать, опуская, чтобы не звякнула ненароком. Все, можно заходить, с караульным старшина уже наверняка справился. Главное, чтобы петли не скрипнули.

Петли не скрипнули, и спустя несколько секунд старлей уже был внутри. Автомат? Нет, не нужно, только мешает,

пистолета и штыка вполне достаточно, забросим за спину, не оставлять же снаружи. Что у нас дальше? Начинающийся от входа коридор и ведущие во внутренние помещения двери, по две с каждой стороны. И куда дальше топать, с чего начинать? Несмотря на проводимые в селе у бабушки каникулы, в подобных заведениях Степан ни разу не бывал – не довелось как-то. Да и не факт, что во времена его детства подобные здания еще использовались.

Выручил ввинтившийся в дверь Левчук:

– Чего замер, старшой? Ни разу в сельсовете не бывал? Хотя поселок-то небольшой, так что, может, тут и местная школа располагалась, сразу не скажешь.

– Откуда, я ж городской, – нашелся Степан, ни разу, собственно говоря, не соврав. – Только в кинофильмах и видал. Я до войны в кино любил ходить.

– Понятно. – Левчук мазнул по лицу командира очередным быстрым взглядом, которых за время их не слишком долгого знакомства накопилось уже порядочно. – Тогда давай ты направо, я налево. Командир местный наверняка в кабинете председателя обосновался, он размерами поболее прочих будет. Сколько у нас времени?

– Минут семь, максимум десять, – не раздумывая, ответил морпех. – Успеем, не успеем, но придется уходить. Работаем. Только тихо, нельзя нам нашуметь, пацанов подведем.

– Обижаешь, старшой, – хищно прищурился старшина. – Чай, не впервой. Потопали, что ль, навестим германца?

– Давай, Семен Ильич, время пошло...

Трофейный фонарик в левую руку, большой палец – на кнопку включения, остальными прикрыть линзу, чтобы наружу вырывался только тонкий лучик света. В правую, соответственно, штык-нож. Клапан кобуры расстегнут, патрон в стволе – но это на самый крайний случай. Приоткрыть дверь, проскользнуть внутрь и замереть, оценивая обстановку. Фонарик светит почти параллельно полу, лишь чуть-чуть размывая мрак, но Степану этого достаточно – глаза уже привыкли к темноте. Комната на два окна, книжный шкаф под дальней стеной, массивный письменный стол и несколько стульев. Точно не школа, все-таки сельсовет или клуб. Скорее, первое – в углу кучей свалены какие-то не заинтересовавшие оккупантов папки и книги, видимо, предназначенные для растопки печи; по вышарканному дощатому полу раскиданы затоптанные сапогами бумаги. Ничего интересного, одним словом. Пошли дальше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.